

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

ДАЙНА ДЖЕФФРИС

*Тотальный
дворец*

Остров тайн.
Беглянка.
И обещание...

От автора мирового бестселлера
«Жена чайного плантатора»!

Дочери войны

Дайна Джеффрис
Потаенный дворец

«Азбука-Аттикус»

2022

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Джеффрис Д.

Потаенный дворец / Д. Джеффрис — «Азбука-Аттикус»,
2022 — (Дочери войны)

ISBN 978-5-389-23056-9

После тяжелой ссоры с родителями юная Розали Делакура покидает Париж. Двадцать лет ее сестра Клодетта не имеет никаких вестей от беглянки, кроме присланных ею четок с мальтийским крестом и записки, в которой та взывает о помощи... В 1944 году Клодетта обращается с отчаянной просьбой найти исчезнувшую сестру к своей младшей дочери Флоранс, которая встретила мать после семи лет разлуки и отчуждения. Семейные тайны, ложь и недомолвки разделили эту семью... Флоранс обещает отправиться на поиски, как только в Европе закончится война. Вот только хочет ли Розали, чтобы родные нашли ее? Вторая книга трилогии, начатая романом «Дочери войны». Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-23056-9

© Джеффрис Д., 2022
© Азбука-Аттикус, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	24
Глава 6	27
Глава 7	30
Глава 8	33
Глава 9	38
Глава 10	42
Глава 11	46
Глава 12	49
Глава 13	53
Глава 14	56
Глава 15	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Дайна Джеффрис

Потаенный дворец

© И. Б. Иванов, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2023

Издательство Иностранка®

Моей семье

За героизм и преданность народа Мальты, которые надолго останутся в истории, награждаю остров-крепость Мальта Георгиевским крестом.

Король Георг VI 15 апреля 1942 года

Колония британской короны Мальта была военно-морской крепостью и единственной базой союзных сил между Гибралтаром и Александрией в Египте. За период с июня 1940 по октябрь 1942 года Мальтийские острова выдержали более 3000 воздушных налетов, осуществленных нацистской Германией и фашистской Италией. Подводные лодки стран Оси атаковали английские конвои, лишая жителей Мальты продовольствия и жизненно необходимых товаров. Гарнизон союзных сил и население мужественно противостояли попыткам врагов голодом и бомбардировками принудить Мальту к капитуляции, в результате чего силы Оси не смогли лишить союзные силы их главной военно-морской базы в Средиземном море. Тяжелые испытания не сломили мальтийцев. За проявленное мужество король Георг VI наградил Мальту и ее жителей Георгиевским крестом.

Пролог

НА БОРТУ ПАРОВОДА «АДРИЯ»

Стоявшая на палубе женщина подняла голову и посмотрела на стаю сердито галдящих морских птиц. «Дура! Дура! Ты дура!» – кричали они, устремляясь к ней. Она пригнулась и вскинула руку, чтобы их отпугнуть, но в ее волосы вцепились не птицы, а ветер. Женщина сглотнула, почувствовав на языке вкус морской соли, слегка пахнувшей водорослями. Можно ли сказать, что все опасности остались позади? Поднявшись в Сиракузах на борт этого парохода, она совершила прыжок веры, но чем дольше он длился, тем дальше оказывалась она от привычной безопасной жизни. Женщина посмотрела на вздымающиеся морские волны. Она этого хотела.

Солнце стало опускаться к горизонту. Пароход приближался к суше. Женщина схватилась за релинг и, насколько позволяла смелость, наклонилась, загнипнотизированная чем-то движущимся в фиолетовой воде.

Она закрыла глаза. Ветер приятно охлаждал ее пылающие щеки.

Птицы снова закричали. Женщина подняла голову, открыла глаза и выпрямилась. Сколько времени она простояла так, вцепившись в релинг и слушая голоса моря? Солнце уже скрылось за горизонтом, небо стало похожим на темно-синий бархат. От россыпей звезд у нее перехватило дыхание. Пароход подходил к острову, и перед ней разворачивалась волшебная сияющая панорама, словно над сказочным миром наконец-то подняли занавес. Завороженная зрелищем Великой гавани, в водах которой отражались огоньки сотен лодок, женщина крепко обхватила себя за плечи и повернулась к своей спутнице.

– Все будет хорошо, – прошептала она. – Со мной все будет хорошо.

Глава 1

ФЛОРАНС

Англия, конец августа 1944 года

Джек пытался закрыть вагонное окно, чертыхаясь вполголоса и морщась от боли в покаленной руке. Флоранс закашлялась. У нее саднило горло. Проклятое окно не желало закрываться, и едкий черный дым продолжал наполнять вагон.

– Бесплезно, – пробормотала она. – Побереги силы.

– Дым рассеется, как только мы выедем из этого идиотского туннеля.

Флоранс кивнула. Она прислонилась к вагонной стенке и сползла на пол, где села, упершись лбом в колени и обхватив лодыжки. Она была готова на все, только бы избавиться от запаха. Помимо паровозного дыма, в вагоне кисло воняло невымытыми телами и дешевым табаком. Сизые табачные облака плавали по всему поезду, цепляясь за волосы и одежду. Флоранс чувствовала себя измотанной до крайности, что мешало ей отпустить страх, укоренившийся в теле.

В этом тускло освещенном туннеле поезд застрял почти на час. А ведь чтобы добраться до Эксетера, им нужно сделать пересадку на другой поезд. Оставалось лишь надеяться, что отец Джека все-таки дождетя их на станции.

Наконец вагоны оглушительно лязгнули.

Флоранс подняла голову, встретившись глазами с Джеком. Он кивнул. Паровоз пронзительно загудел. Послышались негромкие радостные возгласы усталых пассажиров. Скрип и скрежет означал, что вагонные колеса пробудились и поезд возобновил движение. В коридоре показался тощий проводник в железнодорожной форме. У двери путь ему преграждали полусонные солдаты, разлегшиеся на полу. Кое-как проводник пробрался через них и их здоровенные вещмешки. Ругаясь себе под нос, он теперь проталкивался через плотную стену гражданских. Наконец оказавшись рядом с Джеком и Флоранс, он едва не споткнулся о большой сапог Джека.

– Уэстбери! – выпрямившись, рывкнул проводник и сердито сверкнул глазами на них. – Все, кому в сторону Эксетера, выходите на пересадку.

Разговаривая в такой манере, он не только выпускал внутренний пар. Кричать его вынуждало полное отсутствие станционных указателей. Их намеренно убрали, и понять, где ты находишься, могли только местные жители.

Через несколько минут поезд подкатил к Уэстбери.

– Как всегда, – хмуро проворчал Джек, вставая с пола, где он сидел рядом с Флоранс. – Знай я, что мы так близко, то выбрались бы из туннеля и дошли пешком.

– Сомневаюсь, что я в состоянии снова куда-то идти, – сказала Флоранс, и это было чистой правдой.

Джек сочувственно улыбнулся. Он находился не в лучшем состоянии. Из Франции они пробирались в Испанию через Пиренеи, то и дело спотыкаясь и падая на крутых каменистых перевалах. Когда в одном месте Флоранс едва не скатилась в пропасть, Джек пришел ей на выручку и сильно нагрузил руку, еще не зажившую после неудачного спуска на парашюте в Дордони. Флоранс ковыляла на ватных ногах, а у Джека рука висела на перевязи. Нечего сказать, впечатляющая парочка.

Толкая и пихаясь, пассажиры торопились выбраться из душного поезда и продолжить свое путешествие в других направлениях. Утомленные солдаты, мечтавшие хотя бы ненадолго снова оказаться среди родных, приободрились, а не менее утомленные медсестры, так и не сменившие форменную одежду, остекленело смотрели перед собой. Практически у всех пассажиров были серые, изможденные лица.

– Где платформа на Эксетер? – спросил Джек у дежурного по станции с болезненным румянцем на щеках.

Тот молча указал.

Поезд на Эксетер уже подали. Когда шли по платформе, Флоранс услышала за спиной иностранную речь. Обернувшись, она увидела двоих мужчин и застыла на месте. Заметив ее испуг, Джек взял Флоранс за руку и потянул вперед.

– Не надо бояться, – тихо сказал он. – Это всего лишь польские солдаты. Идем, пока поезд не уехал без нас.

Флоранс понимала: это не немцы, но усталость отключила у нее здравый смысл и способность логично рассуждать. В подкорке укоренилось только одно: никто не должен узнать о ее тайне. Ни здесь, ни в Дордони, откуда ее вывез Джек, ни в Пиренеях, где они прятались от нацистских патрулей, ни во франкистской Испании. Медленно, постоянно опасаясь попасть в облаву, они под жгучим солнцем пересекли эту страну с севера на юг. В Гибралтаре они поднялись на борт «Стерлингского замка». До войны это был океанский лайнер, превращенный теперь в транспортное судно, курсирующее между Гибралтаром и Саутгемптоном.

Джек подталкивал Флоранс сзади, пока она не забралась по крутым ступенькам и не оказалась в вагонном тамбуре.

– Остановки на пути следования: Фрум, Касл-Кэри, Лэнгпорт, Тонтон и Эксетер! – выкрикнул другой проводник.

От постоянного шума у Флоранс сильно разболелась голова. Эх, если бы обстоятельства не вынудили ее покинуть Францию! Эта унылая, истерзанная войной Англия была совсем не похожа на Англию ее юности. Но оставаться во Франции было невыносимо. Невыносимо! События этого лета бесповоротно изменили ее мировоззрение и характер. Флоранс молила судьбу, чтобы здесь, на английской земле, она обрела настоящую безопасность.

И снова им пришлось с черепашьей скоростью пробираться по вагонному коридору, пока – хвала Небесам! – Флоранс не заметила два свободных места и, спотыкаясь, не устремилась туда. Она плюхнулась на сиденье и с облегчением привалилась к стенке. «Я выдержу, – мысленно твердила она себе. – Еще не то пережила». Потом она заснула, смутно ощущая сквозь сон, как поезд останавливался и ехал дальше. В какой-то момент Джек растолкал ее и сказал, что они подъезжают к Эксетеру. Флоранс выглянула в окно. Вагон уже ехал вдоль платформы и вскоре с лязгом и скрежетом остановился. На вокзальной стене она заметила плакат с поясным изображением Уинстона Черчилля и его цитатой: «Вместе вперед». «Да, – подумала Флоранс. – Нам всем надо идти вперед». И ей пора научиться не оглядываться назад.

У нее кружилась голова. Они с Джеком встали, потянулись, размяли ноги, расправили измявшуюся одежду. Усталые, голодные, грязные, отвратительно пахнущие... они приехали домой.

«Домой», – со вздохом подумала Флоранс. Это Джек приехал домой. А где ее дом? Они достали с багажной полки свои вещи, вышли из вагона и покинули вокзал.

Сорок минут спустя, когда Лайонел, отец Джека, вез их вниз по ухабистой проселочной дороге, Флоранс впервые увидела девонширское жилище Джека. Она села спереди и теперь, глядя в окно и отчаянно моргая, чувствовала, что попала на границу реального и сказочного миров. Дом с соломенной крышей уютно притулился между зелеными, поросшими лесом холмами. Казалось, его не строили, а он просто вырос из окружающего луга. Одно слово: сказочный дом. Очумелые фазаны так и норовили закончить жизнь под колесами, но в последнее мгновение каким-то чудом отлетали в сторону. Если бы не их крики и хлопанье крыльев, здесь царил бы полная тишина. Какой разительный контраст между тем, через что ей и Джеку довелось пройти! Девонширский пейзаж вдохнул в нее новые силы.

– Это место врачует сердце и душу. – Лайонел понимающе взглянул на сына. – Рад, сынок, что ты благополучно вернулся в нашу старую добрую Англию.

– Дом с двух сторон окружают холмы, густо поросшие дубами, – сказал Джек, обладавший более практичным взглядом на вещи. – С третьей стороны, как ты видела, идет крутой склон. А чтобы подойти с фасада, нужно преодолеть ручей и заливной луг. Замечательные места для прогулок в любом направлении.

– Пристанище отшельника, – впервые за долгие недели вздохнув свободно, произнесла Флоранс. – А холмы стоят на страже.

– Дорогая, надеюсь, этот дом станет тебе пристанищем. – Лайонел смущенно кашлянул, будто такие слова были слишком уж личными для первого знакомства. – (Флоранс улыбнулась.) – Кстати, зимой переехать ручей невозможно. Вынужден оставлять машину на этом берегу. Ну а пешком ручей легко перейти по каменным плитам, – добавил Лайонел. – Ног не замочишь. Пытался привести в порядок лужайки, но трава слишком высокая и густая. Там, Джек, коса нужна. И твои руки.

– Пожалуй, я не видела более романтического уголка, – призналась Флоранс, глядя на обилие полевых цветов, розовые кусты, которые давно никто не обрезал, и зеленые каскады ломоноса перед входной дверью. – А вот вьющиеся растения нуждаются в подрезке.

– Что, дорогая, любишь возиться с садом? – спросил отец Джека.

Он был высоким, крепкого телосложения, настоящий медведь с гривой седеющих волос и красными щеками. «Наверное, от пристрастия к портвейну», – подумала Флоранс. Перед глазами мелькнул ее сад, оставшийся во Франции. Ей стало трудно дышать. Усилием воли она прогнала будоражащую картину, сглотнула и ответила Лайонелу:

– Я обожаю работать в саду.

– Пап, она настоящий знаток садовых премудростей, – добавил Джек.

Машина Лайонела пересекла мелкий ручей и поднялась по мощеной дороге к дому, остановившись возле росшего неподалеку здорового конского каштана.

– Добро пожаловать в Мидоубрук, – произнес отец Джека. – Кроме жены фермера, ты не увидишь здесь ни души. А живущий в особняке старикан вообще тут не появляется.

– Как чудесно! – воскликнула Флоранс. – Большое спасибо, что привезли нас. Вы уж простите за неподобающий вид. Заросли грязью.

– Ничего страшного. Вымоетесь. Дом мы хорошо проветрили. Съестные припасы тоже найдутся. Хлеб, молоко, бекон и так далее.

– Спасибо! – Джек похлопал отца по спине. – Не знаю, как Флоранс, а я ужасно хочу спать.

Флоранс оглядела свои ногти, под которыми чернели каемки грязи.

– Я тоже хочу спать. Мыться завтра.

– Это мы устроим, – устало улыбнулся Джек. – Идем. Ну как, готова переступить порог моего жилища?

Глава 2

Девоншир, 1944 год

На следующее утро

Смогла бы она стать той, какой была прежде? Нет, конечно, но прошлое тянуло ее назад. Всю ночь Флоранс жаждала набрести во сне на сад вроде того, что был у нее в Дордони. Только увидела она не сад, а кладбище с надгробием, где значилось ее имя. Рядом лежали бумажные розы. Она застряла в пограничном состоянии, разрываясь между сном и явью. Так и лежала, пока за окном не рассвело. Ум затуманен, на сердце тревога. Через какое-то время Флоранс услышала шум воды, бегущей по камням, и вспомнила: минувшим вечером, выглянув в окно, она увидела в саду ложбинку. Там протекал ручей, прежде чем скрыться в зарослях кустов. В голове прояснилось... Она в Англии. Свет раннего утра здесь не такой яркий, как дома, а рассеянный. Кажется, кто-то стучал в дверь ее комнаты. Так и есть. Станный сон почти выветрился из памяти. Вслед за стуком послышался голос Джека. Флоранс протерла глаза. В этот момент дверь приоткрылась и внутрь просунулась его голова.

– Прости, что потревожил. Как ты тут?

Отчетливо помня, что она улеглась голышом, Флоранс натянула одеяло до подбородка. Вечером Джек раскопал ночную рубашку из фланелета, с длинным рукавом, когда-то принадлежавшую его бабушке. Едва надев этот раритет, Флоранс тут же сняла рубашку, ощутив зуд во всем теле. Впрочем, Джеку об этом знать не обязательно.

Джек пятерней взъерошил волосы. Он старался не встречаться взглядом с Флоранс.

– Ты меня не потревожил. Я наполовину проснулась.

– Отлично. Я подумал: наверное, ты хочешь есть.

– Наверное? Да я ужасно голодна!

– Фермерша-соседка снабдила нас яйцами, колбасками и свежим хлебом.

Услышав про еду, Флоранс улыбнулась:

– Через пятнадцать минут буду готова. Нет, через десять.

– Что приготовить? Омлет? Яичницу? Яйца пашот?

– Решай сам.

– По правде говоря, я умею делать только яичницу.

Под смех Флоранс Джек ушел готовить завтрак, а она встала и наспех умылась из фарфорового кувшина. В ее комнате был старинный умывальник с тазиком на мраморной крышке.

Надев халат, тоже найденный вчера Джеком, Флоранс расчесала спутавшиеся волосы, не слишком туго завязав их в конский хвост. В небольшом настенном зеркале отражалось ее лицо сердечком, серо-голубые глаза и грязь, въевшаяся в поры лица, а также отвратительное красное пятно на подбородке. Надо с ним что-то делать. Душу Флоранс наполняло бурлящее чувство облегчения: она в безопасности. Открыв дверь, Флоранс почувствовала запах поджаривающихся сосисок. Ох, какой соблазнительный запах!

По узкой лестнице она быстро спустилась вниз. Ванная находилась в кирпичной пристройке, явно появившейся позже самого дома. Войдя туда, Флоранс обнаружила унитаз, массивный керамический умывальник и старинную ванну. Электричества в помещении не было. Если ночью припрет, изволь идти сюда с фонариком или свечкой. Хорошо еще, что в ванную можно пройти через прачечную; значит, не надо выходить во двор. Не задержавшись там, Флоранс отправилась на кухню.

– Пахнет просто удивительно, – сказала она, усаживаясь напротив Джека. – Во Франции я скучала по старым добрым английским сосискам.

– Только я их немного сжег, – поморщившись, сообщил Джек.

– Это делает сосиски вкуснее.

– Ты их настолько любишь?

– Обожаю!

Волевое лицо Джека обрамляли русые волосы. Флоранс впервые видела его чисто выбритым. Он сбрил даже усы песочного цвета. Флоранс помнила, как неожиданно этот человек появился в жизни ее и сестер, став другом им и бойцам Сопротивления. Этот человек сумел увезти ее из Франции и фактически спас. Сейчас он улыбался ей, а в зеленых глазах светилась жизнь.

– Сегодня тебе лучше? – спросил он.

Флоранс кивнула, поскольку рот был набит сосиской. Продолжая жевать, она оглядела кухню с деревянными потолочными балками. Тесновата, но везде безупречная чистота. Прежний кухонный очаг заменила угольная плита фирмы «Ага», стенки которой были покрыты кремовой эмалью. Запас угля хранился в одном из сараев. Сегодня плиту растопил Джек, а в его отсутствие эта обязанность перейдет к Флоранс.

В его отсутствие.

Флоранс пока не задумывалась о том, чем еще займется, когда Джек будет уезжать. Он привез ее сюда, чтобы в тихом месте она окрепла и набралась сил перед встречей с матерью. О том, куда ему придется отлучаться, Джек не говорил. Флоранс претила мысль, что он может уехать, но ведь он по-прежнему входил в состав УСО¹ и раненая рука не освобождала его от службы.

Усилием воли Флоранс прогнала тревожные мысли и стала рассматривать кухню: встроенный посудный шкаф, навесные полки с решетчатыми дверцами и проволочными сетками внутри, крюки, свисающие с балок. Взгляд натолкнулся на керамическую мойку, чем-то похожую на раковину в ванной, и четыре керосиновые лампы. Последние свидетельствовали о частых перебоях с электричеством. Сосновый стол, за которым они завтракали, стоял у окна. С одной стороны к столу примыкал уютный диванчик. Из окна открывался вид на заливной луг перед домом. Кухня имела и второе окно, но оттуда был виден лишь зеленый склон холма за домом. По словам Джека, то место облюбовали фазаны и носились как сумасшедшие. Спугнуть их могла даже тень в окне. Одна стена была почти целиком занята громоздким камином с дубовой каминной доской, с которым соседствовала хлебная печь. Посередине кухни стоял стол поменьше с тяжелой колодой для рубки мяса.

– Какая чудесная кухня! Мне нравится, – сказала Флоранс.

– Тесно. Как говорят, коту негде втиснуться.

– Зато уютно. И потом, у тебя нет кота.

– А ты бы хотела? У Глэдис на ферме целый выводок котят.

– Пожалуй, только мама вряд ли позволит мне держать кошку в ее доме.

– Да, с мамой не поспоришь. А как насчет выгулять пса, которого отец вскоре приведет?

– Я не против, но сначала я хочу отмыться.

Флоранс уже прониклась симпатией к девонширскому пейзажу Мидоубрука. Ей здесь нравилось все: животные, которых она видела на близлежащей ферме, ручей, заливной луг, птицы и мелкое зверье, водившиеся окрест. С самого приезда вчера ей понравился и здешний запах – запах зелени и земли. Флоранс воспрянула духом и начала постепенно освобождаться от усталости, тоски по дому и одиночества. А ощущение тоски и одиночества возникало у нее всякий раз, стоило ей подумать об оставшихся во Франции сестрах. Она рассталась с ними более двух месяцев назад. Англия по-прежнему находилась в состоянии войны, а Гитлер продолжал разрушать европейские страны. Быть может, пройдет не один год, прежде чем она снова увидит Элен и Элизу.

¹ УСО – Управление специальных операций. Британская разведывательная служба времен Второй мировой войны; существовала с середины 1940 по начало 1946 года. – *Здесь и далее примеч. перев.*

Флоранс долго отскребала грязь с кожи, пока та не стала розовой и блестящей. Вскоре после ее выхода из ванной появился Лайонел. Он был в прекрасном настроении. От предложенного чая отец Джека отказался, сказав, что ему пора возвращаться.

Черный лабрадор Джастин оказался молодым, очень подвижным псом с умильными карими глазами. Ему не терпелось отправиться на прогулку. Джек и Флоранс не стали испытывать собачье терпение и повели его гулять. За годы в доме собралась внушительная коллекция ботинок, курток, непромокаемых плащей и резиновых сапог. Джек сказал, что Флоранс всегда сможет разыскать себе что-нибудь из одежды. Дом достался ему от бабушки. В прошлом он регулярно приезжал сюда, поэтому в шкафах и комодах скопилось достаточно его вещей.

Присутствие Джастина сглаживало напряженность, ощущаемую обоими. Они смеялись проделкам лабрадора, глядя, как он исчезал в кустах, облаивая фазанов и воображаемых кроликов.

Перейдя мелкий ручей перед домом, они двинулись по ухабистой дороге, по которой Лайонел вчера привез их сюда. Слева тянулась долина со змеящимся ручьем, а дальше – у подножия другого крутого холма – вставала стена буков, вязов и дубов. Джек шел впереди. Глядя на него, Флоранс невольно вспомнила их долгий и нелегкий путь в Англию.

– Думаешь о Биаррице? – спросила она; Джек обернулся и хмуро посмотрел на нее. – Я тогда так перепугалась, – поравнявшись с ним, призналась Флоранс.

– Я стараюсь об этом не думать и хочу, чтобы и ты не думала. Но должен признаться: я считал, что мы так и не найдем *passueur*².

– Мне никак не отключиться от этих мыслей. До сих пор спрашиваю: что могло пойти не так?

– Знаю, – кивнул Джек.

Флоранс вспомнила, как она вслепую брела в темноте за проводником, двигаясь по узким тропам в отрогах Пиренеев. Джек шел замыкающим. В одном месте она оступилась и вскрикнула от страха, слушая бешеный стук сердца.

– Все будет хорошо. Боши³ нас здесь не найдут, – успокаивал ее Джек, когда они устроились на ночлег в заброшенной хижине пастуха.

Это была их первая ночевка. Не больно-то уснешь под звуки выстрелов, доносящихся из темноты. После всего, что с ней случилось, Флоранс с трудом вспоминала, какой наивной и восторженной девицей была всего год назад.

Джек пошел дальше, окликнув лабрадора. Флоранс снова его догнала.

– В чем дело? – спросил он.

– Даже не знаю.

Джек с улыбкой взъерошил ей волосы:

– Забавное ты создание, Флоранс Боден.

Хотя порой он и относился к ней как к младшей сестре, Флоранс это нравилось.

Вечером она зашторила три створчатых окна в гостиной и забралась на диван, подобрав под себя ноги. Гостиная, тоже со сводчатым потолком, размерами превосходила кухню, и здесь вкусно пахло старыми книгами. Невзирая на теплую погоду, Джек решил затопить камин. Флоранс смотрела, как он напихал туда мятой бумаги, добавил щепок и мелких полешек. Она пыталась угадать его чувства, однако лицо Джека, как всегда, оставалось непроницаемым. Иногда она ловила на себе его пристальный взгляд. Глаза Джека сверкали. Казалось, он вот-вот заговорит. Флоранс ободряюще улыбалась, но Джек хмурился и отворачивался.

Она знала: нужно поскорее написать матери и кружным путем отправить послание сестрам, сообщив о благополучном прибытии в Англию. Элен, наверное, извелась от тревог. Язык

² Проводник (*фр.*).

³ *Боши* – так французы презрительно называют немцев.

Флоранс ощутил что-то кислое. Вскоре то же самое почувствовал и ее нос. Может, это вкус и запах чувства вины? Она вновь посмотрела на Джека. Каждый отдал войне столько безвозвратно потерянных дней своей жизни. Может, пора просто жить день за днем, не загадывая на будущее?

– Первая растопка камина – всегда ритуал, – сказал Джек, не догадывавшийся о мыслях, которые бродили в голове Флоранс. – Конечно, осень еще не наступила, но у дома толстые стены, и вечерами в нем бывает прохладно. – Он по-прежнему сидел на корточках перед камином и так же на корточках повернулся к ней, вдруг спросив: – Ты счастлива, что оказалась здесь? Вид у тебя какой-то подавленный.

«Значит, заметил мое состояние», – подумала Флоранс, глядя на язычки пламени, отбрасывавшие тени на его лицо.

– Наверное, это от усталости. Спасибо, что привез меня в Мидоубрук. Замечательное место.

– У меня нет намерений задерживать тебя. Если ты готова отправиться к матери в Котсуолдс, я не обижусь.

– Речь не об этом. Я рада оказаться здесь.

– Тогда что?

Сказать ему об Элен? На это у Флоранс не было ни смелости, ни желания, поэтому она заговорила о том, как непривычно встречаться с матерью после семи лет разлуки.

Потом она замолчала.

Джек тоже молчал. Флоранс вдыхала запах горящих дров. Единственным звуком в гостиной был треск поленьев в камине.

– Когда поднимается сильный ветер, он не дает дыму уходить вверх, и тот заволакивает гостиную. – Джек засмеялся и заговорил зловещим тоном: – Ветер гремит и воет, и призраки выходят поиграть. У-у-у-у-у!

– Прекрати! – потребовала Флоранс и тоже засмеялась.

– Сегодня ветер вполне терпимый, а если он и впрямь завоет, нужно открыть вон те две заслонки.

Джек показал, где они находятся.

Флоранс снова подумала о Пиренеях.

Поначалу ветер там тоже не завывал.

В свою первую ночевку они почти не спали, а когда рассвело и она увидела далекие вершины гор, ее охватила оторопь. Надо же, как высоко они забрались. Столь же высоки были ставки в их жизненной игре. Из хижины их забирал молодой худощавый баск. Парень сам сильно нервничал и вряд ли думал о душевных терзаниях Флоранс. Но если Джек промахнулся с выбором проводника, его доверчивость могла стоить им жизни.

Флоранс тряхнула головой, прогоняя мрачные картины. Кажется, Джек о чем-то ее спрашивал. И зачем она снова нырнула в прошлое? Но понять, каково им было пробираться по горным перевалам, постоянно рискуя жизнью, не мог никто, кроме нее и Джека. Это мало представить. Через это надо пройти самому. Затем мысли Флоранс снова вернулись к Элен. В пламени камина замелькало лицо старшей сестры, и у Флоранс от стыда зарделись щеки.

Глава 3

Прошло две недели. Флоранс сидела на кухне и перечитывала письмо от матери. Ей было незачем волноваться о том, как сложится здесь жизнь после отъезда Джека, поскольку первой отсюда уедет она. Джек ни словом не обмолвился о том, когда уедет и куда направится. По письму чувствовалось, что Клодетта взволнована радостной вестью о капитуляции нацистов в Париже. Это произошло 25 августа и стало вторым замечательным событием лета. Первым была июньская высадка союзников в Нормандии.

Стук в дверь прервал размышления Флоранс. Она пригладила волосы и пошла открывать. На пороге стояла невысокая худоцавая женщина в выцветшем сером джемпере, мешковатых зеленых вельветовых брюках и черных резиновых сапогах. Женщина улыбалась, отчего кожа вокруг ее темных глаз-изюминок морщинилась. Ее седые волосы были заплетены в толстую косу.

– А вы, должно быть, Глэдис с фермы, – догадалась Флоранс.

Женщина наклонилась к корзине, накрытой посудным полотенцем с изображением флага Британского Содружества. Красный и синий цвета с годами потускнели, а белый превратился в серый.

– Так оно и есть. А это... Грегори, – ответила женщина и засмеялась, отчего вокруг глаз снова образовались морщинки.

Флоранс посмотрела на селезня, важно зашедшего в кухню вслед за хозяйкой.

– Сопровождает меня повсюду. Надеюсь, ты не возражаешь.

– Добро пожаловать, Глэдис. И ты, Грегори. Джек говорил, что вы можете заглянуть.

– Он в отъезде? – (Флоранс кивнула.) – Смотрю, ты занята, – сказала Глэдис, увидев письмо на столе. – Я ненадолго.

– Нет. Я ничем особо не занимаюсь. Вот, получила письмо от матери. Она ждет меня послезавтра. Написала, как добраться отсюда до Котсуолдса, где она живет.

– То-то она обрадуется, когда тебя увидит. Джек говорил, у тебя во Франции остались сестры.

– Да. Элен и Элиза. Я им сообщила, что благополучно добралась сюда, но вы сами знаете, как сейчас работает почта. Ответа пока нет. Остается надеяться, что мое письмо они получили.

– Я в этом уверена, дорогая. Тяжело тебе пришлось.

– Да уж. Я совсем не знаю, как они там и что вообще происходит в тех местах. Элен работает медсестрой у местного врача, а Элиза ждет ребенка. Я тревожусь за них.

– И ты проделала весь этот долгий путь... чтобы вернуться к матери? – спросила Глэдис.

Судя по глазам женщины, вопрос был шире.

Флоранс не могла рассказать Глэдис о настоящей причине, заставившей ее пуститься в длинное и крайне опасное путешествие к английским берегам.

– Долго рассказывать, но в целом да, – уклончиво ответила она.

Глэдис почувствовала ее нежелание говорить об этом и сменила тему:

– Вот, принесла кое-что Джеку.

Глэдис плюхнула корзину на стол и порывисто сдернула полотенце. Флоранс увидела каравай черного хлеба и бутылку с золотистой жидкостью. Она потянула ноздри.

– Вы очень добры. Хлеб пахнет просто божественно, и мне любопытно узнать, что там в бутылке.

– Вино из крыжовника, – с улыбкой ответила Глэдис.

– Как чудесно! Во Франции я постоянно делала фруктовые вина.

– Что, дорогая, скучаешь по тем местам? Непривычно оказаться здесь, когда продолжается эта жуткая война? Мы тут все страшно устали. На себя не похожи.

– Да, непривычно. Но во Франции было еще хуже.

– Здесь хотя бы нацисты не появлялись. Но война вон уже сколько лет идет. Здесь все беспокоятся за своих мужчин. Кто на континенте воюет, кто на Востоке. – (Флоранс понимающе кивнула.) – А в городах люди голодают. Нам-то на ферме что. Всегда еда найдется. Может, знаешь, что мы выращиваем овощи и посылаем в здешние госпитали.

Флоранс снова кивнула, почувствовав гордость в словах Глэдис.

– Мы все помогаем, чем можем. Я хотела посылать овощи и в Красный Крест, чтобы переправили нашим ребятам на фронт. Так у них принимают только консервы. Сгущенку, «Спэм»⁴, солонину, плавленый сыр. Словом, то, что не портится. А солдатам в основном подавай табак и шоколад. Вот такие дела.

Лицо Глэдис вдруг сильно помрачнело, но потом она вновь улыбнулась:

– Ты, наверное, поселишься у матери?

Флоранс вздохнула. Никаких сбережений у нее не было. Надо будет спешно искать работу, чтобы не сидеть у матери на шее. А потом придется подыскивать себе и жилье. Сама мысль об этом вызывала у нее волнение. Как она сумеет построить новую жизнь в Англии, да еще в условиях продолжающейся войны?

– Сама еще толком не знаю, – сказала Флоранс.

Почувствовав ее внутреннее состояние, Глэдис потрепала Флоранс по руке:

– Дорогая, не все сразу. Я всегда так говорю. А сейчас пойду я, не то мой старик подумает, что меня фрицы сцапали.

– Спасибо за хлеб и вино.

– На здоровье. А у тебя, дорогая, усталый вид. Позаботься о себе... Грегори, идем домой, – сказала Глэдис и, помахав Флоранс, ушла.

Наступил день отъезда. Флоранс с утра не покидало беспокойство. Сейчас она доглаживала платье в зелено-белую крапинку – одно из платьев бабушки Джека, которое Флоранс переделала по своей фигуре. Джек окликнул ее из коридора и вскоре зашел на кухню.

– Вот ты где. – Он пристально оглядел Флоранс и нахмурился. – Вижу, что взбудоражена. Не хочешь немного прогуляться? Потом я отвезу тебя на станцию. Время еще есть. Тебе надо остыть.

– Мне надо догладить платье и одеться. Как там на плакатах написано? «Обходись тем, что имеешь». Думаю, в этом платье мне будет не стыдно показаться перед маман.

– Ты все собрала?

Сдерживая слезы, Флоранс промямила «да». Она была морально не готова уехать из Девона. Еще невыносимее была мысль о прощании с Джеком.

– Выше нос!

Флоранс вяло улыбнулась, схватила платье и помчалась наверх одеваться. Может, ее отъезд – это и к лучшему. Ей нравился Джек, по-настоящему нравился, но ее сестра Элен... Флоранс оборвала мысль.

Они бродили по саду, обходя тень, отбрасываемую соседним холмом, и идя там, где сквозь кроны деревьев пробивались косые солнечные лучи. Взглянув на Джека, Флоранс увидела, что его лицо целиком покрыто полосками света. Пес Лайонела бежал за ними следом, обнюхивая землю вокруг одичавших розовых кустов, разросшейся буддлеи и красных и желтых георгинов. Потревоженные им фазаны торопились убраться прочь. Флоранс следила за резвящимся лабрадором, чувствуя на губах вкус позднего английского лета и представляя обильный урожай осенних фруктов. Вскоре эти теплые деньки закончатся, но еще раньше, уже сегодня, закончится ее пребывание в гостях у Джека. Свидятся ли они опять?

⁴ «Спэм» – марка дешевых мясных консервов.

Лай Джастина оборвал ее мысли. Кажется, Джек о чем-то спрашивал.

– Ты о чем-то спросил?

– Поинтересовался, хочешь ли ты узнать, каким образом этот дом оказался в собственности нашей семьи.

– Конечно, – ответила Флоранс.

Судя по нарочито веселому тону, Джек старался отвлечься от мыслей о ее отъезде. Наверное, ему тоже не хотелось расставаться с ней. А может, и нет. Может, он просто хотел поднять ей настроение.

Флоранс заставила себя улыбнуться. Джек почесал в затылке.

– Мой домик стоит на земле поместья и когда-то принадлежал семье лорда Хэмбери. Кстати, ему восемьдесят пять лет.

– Это его называют стариканом из особняка?

– Да. В молодости у его отца была тайная связь с няней семьи, то есть с моей прабабушкой Эстер.

Флоранс кивала, слушая Джека. Карусель мыслей в ее голове продолжала кружиться.

– Когда Мод, мать нынешнего лорда, застала мужа в постели с Эстер, разразился бурный скандал. Семейная легенда гласит, что в головы любовников полетели хрустальные бокалы, которым не было цены. Эстер немедленно уволили, но отец нынешнего лорда по-настоящему в нее влюбился. Он приказал отремонтировать Мидоубрук и отдал дом Эстер. Более того, он поддерживал мою прабабку деньгами... Флоранс, ты слушаешь?

– Конечно слушаю, – торопливо заморгав, ответила Флоранс. – Не хотела бы я оказаться на месте его жены. Наверное, она устроила настоящий погром.

– Она была вне себя от гнева, но сделать ничего не могла. Хэмбери-старший материально поддерживал Эстер, пока она не вышла замуж и не родила мою бабушку. Правда, никто не знает, была бабушка ребенком лорда Хэмбери или нет.

– Ну и ну! Так ты, получается, можешь быть незаконным правнуком лорда?

– Я знал, что история тебе понравится, – засмеялся Джек.

На мгновение Флоранс показалось, что она слышит голоса Хэмбери и Эстер, шепчущихся в темноте. Но эти призраки – из числа дружески настроенных, чего явно не скажешь о несчастной жене лорда.

Флоранс вздохнула. Пора ехать на станцию. Ей не хотелось затягивать прощание и усугублять душевную боль.

– Пожалуй, нам пора, – чересчур бодро произнесла Флоранс.

Джек кивнул и как-то странно посмотрел на нее. Смысл его взгляда был ей непонятен, но внутри что-то сжалось.

Глава 4

*Глостершир,
середина сентября 1944 года*

Флоранс нервно расправляла платье, радуясь, что оно с коротким рукавом. Температура в сентябре менялась постоянно. Сегодня день был по-летнему жарким, и такое платье как нельзя лучше подходило для поездки. Вытерев пот со лба, Флоранс подошла к пожилому носильщику и спросила о ближайших поездках на Годдингтон или Бродвей.

– Извините, мисс, но оба поезда ушли, – ответил старик и с важным видом повернулся, намереваясь уйти.

– Постойте... Пожалуйста, обождите. Вы можете сказать, когда будет следующий поезд?

– Только завтра утром. Вот так, дорогая. Возьмите такси. Можно и в отеле переночевать. В Челтнеме их предостаточно. – Он говорил с сильным глостерширским акцентом и явно гордился, что живет в этом графстве. – Отнести ваш чемодан?

Флоранс покачала головой. Если придется брать такси, у нее каждый пенс на счету. И потом, чемодан у нее не тяжелый, поскольку вещей там совсем мало.

– А далеко ли до Стэнтона? – спросила она. – Естественно, по шоссе.

– Точно не скажу. Миль двенадцать или тринадцать. Никогда там не был. Говорят, симпатичное местечко. В гости едете?

– К маме, – ответила Флоранс.

Поблагодарив носильщика, она взяла чемодан и направилась к выходу.

Ей удалось найти такси. Договорившись с водителем о цене, Флоранс уселась на заднее сиденье. Машина проехала по центру, застроенному элегантными особняками эпохи Регентства, после чего вывернула на дорогу, ведущую к Уинчкомбу. Так было написано на дорожном указателе.

– Я думала, все дорожные указатели сняты, – сказала Флоранс.

– Так оно и есть. Незачем подсказывать врагам направление.

– А почему этот остался на месте?

– По недосмотру. Что-то пропустили. У меня сын собственноручно их снимал. А вы из каких краев будете?

– Из Девона.

Флоранс заметила, что водитель внимательно разглядывает ее в зеркале.

– У вас, знаете ли... выговор немного странный. – Он покачал головой. – Может, и не выговор. Облик.

Сказанное удивило Флоранс. По-английски она говорила без акцента. Еще никто не указывал ей на странность ее выговора.

– Простите, дорогая. Я не хотел вас обидеть. Как нынче говорят, «нет чрезмерной бдительности, а есть недостаточная внимательность».

Когда город остался позади, Флоранс опустила стекло, подставила лицо ветру и набрала полные легкие чистого воздуха. Небо очистилось от барашков облаков и теперь сияло голубизной, подернутое легкой дымкой. Облака не исчезли совсем, но стали редкими и тонкими. Ветер был теплым. Мысли Флоранс блуждали, не сосредоточиваясь ни на чем. Какое облегчение оказаться в этой машине после шумного поезда! В вагоне, где она ехала, двое малолетних сорванцов со смехом и воплями носились по коридору, а издерганная мамаша пыталась водворить их на место. Солдат, демобилизованных с фронта или едущих в отпуск, было не так много. И паровозным дымом пахло гораздо меньше по сравнению с поездом, который вез ее и Джека из Саутгемптона. Для Флоранс по-прежнему было непривычно слышать вокруг английскую речь, и она еще не избавилась от привычки оглядываться, чтобы не наткнуться на немецких солдат.

По обеим сторонам дороги замелькали дома с соломенными крышами и каркасные дома, каких не встретишь во Франции. И уж тем более там не было особняков в викторианском и георгианском стиле.

– Это Престбери, – обернувшись к ней, пояснил водитель.

Окрестные поля и деревья по-прежнему радовали сочной зеленью. Дорога поднималась по склону холма. Зеленые изгороди были усыпаны ягодами. Здесь Флоранс впервые увидела красные и желтые листья, указывающие на скорую осень.

– А для этого времени года очень даже тепло, – продолжал водитель. – Настоящее бабье лето. Хотя, по мне, так лучше, когда воздух похолоднее.

Водитель был настроен поболтать, однако Флоранс не тянуло на разговоры. Ее занимало другое: скорая встреча с матерью. Клодетта, конечно же, спросит, почему она вернулась в Англию. В последний раз Флоранс видела мать еще до войны, а в доме, куда сейчас ехала, не была ни разу. Прежде они жили в Ричмонде, но после смерти их отца Клодетта продала дом, заявив, что такое жилье им больше не по карману. Дом во Франции считался летним и, по словам матери, был слишком тесен для четверых. Клодетта приняла решение: Флоранс, которой едва исполнилось пятнадцать, отправится с сестрами жить во Францию, а она останется в Англии, перебравшись в более скромное жилье. Клодетта помогла дочерям обосноваться на новом месте и уехала, пообещав регулярно их навещать. Обещание осталось невыполненным, затем вмешалась война. И теперь, через семь долгих лет, Флоранс снова увидит мать.

Пейзаж за окном стал более равнинным. Потянулись поля со стогами сена и пасущимися овцами и коровами. Вскоре показались первые дома Стэнтонна: каменные, со стенами медового цвета.

– Взгляните на этот старинный особняк слева, – предложил водитель. – В тысяча пятьсот сорок третьем году он достался Екатерине Парр⁵ в качестве приданого. Слышал, там есть привидение.

– Самой Екатерины? – спросила Флоранс.

Водитель усмехнулся. Она представила лужайку для крокета, сад, обнесенный стенами и призрак Екатерины Парр, бродящий в белом платье.

– Как называется нужный вам дом?

– Литл-Черити. Не думаю, что там есть привидения. Мама говорила, он стоит ближе к вершине холма, сразу за почтой.

Все дома по обеим сторонам этой причудливой главной улицы были выстроены из такого же золотистого камня. У многих стены утопали в зарослях ползучих роз и кустах жимолости, цветы которой скоро начнут опадать. Дома различались по возрасту и размеру, но вся деревня выглядела так, словно время забыло о ней и она осталась где-то в сонном прошлом. Флоранс представила людей, когда-то живших здесь: состоятельных женщин в длинных платьях и шляпках, мускулистую прачку в мешковатом фартуке, детей, игравших в прятки и шарики или гонявших по булыжникам обручи.

Водитель остановил машину напротив лужайки, после которой улица становилась еще круче. Флоранс расплатилась, вылезла и оглядела материнский дом, залитый солнцем. Три перегородчатых окна на втором этаже, два таких же внизу. В последнем письме Клодетта предупредила, что дом совсем маленький, всего две спальни и выносной туалет. Флоранс с трудом представляла, как ее церемонная, привыкшая к удобствам мамочка ходит туда слякотной английской зимой. Перед домом был крошечный садик с низкой зеленой изгородью. Флоранс подошла к увитому диким виноградом крыльцу с навесом на столбах, как вдруг дверь распахнулась.

⁵ *Екатерина Парр* – шестая и последняя жена английского короля Генриха VIII.

В проеме, натянуто улыбаясь, стояла Клодетта. Флоранс показалось, будто перед ней пронеслось все ее детство.

– С приездом, дорогая. Входи. Мы живем здесь очень просто. Надеюсь, ты поймешь.

Мать говорила с ней по-английски, чего раньше никогда не делала. Наверное, привыкла за столько лет жизни в этих местах, где не с кем переброситься французской фразой. Волосы Клодетты, в которых появилась седина, были убраны в аккуратный узел на затылке. Мать не утратила привычки элегантно одеваться и встретила дочь в серой облегающей юбке и светлорозовой блузке. Шею украшала одна нитка жемчуга. Так Клодетта одевалась, когда они жили в Ричмонде.

Ощущая незримую пропасть между ними, Флоранс заставила себя улыбнуться и подошла к матери. Клодетта постарела, и что-то в ее облике изменилось. Кажется, она даже похудела. Семь лет – долгий срок.

После торопливого объятия Клодетта взяла Флоранс за руку:

– Дорогая, я до сих пор не понимаю, почему ты рискнула отправиться в Англию. Война еще продолжается. В письме ты ничего не рассказала. Зачем было подвергать себя такой опасности?

– Это долгая история. Я...

– Ты была там несчастлива? – перебила ее мать. – Я думала, тебе там хорошо.

– Видишь ли... – Флоранс задумалась над ответом. – Я была счастлива. И мне было хорошо... в той или иной мере.

– Тогда зачем возвращаться?

– Война многое изменила, – сказала Флоранс, избегая ответа на вопрос; она еще не была готова рассказать матери правду. – Я же тебе писала, с каким удовольствием занималась садом, готовила еду, делала заготовки. Мне это приносило немало радости. – (Клодетта хмыкнула.) – Видела бы ты мой сад. Просто чудо! Я выращивала все овощи. У нас были куры, козы и...

Казалось, Клодетта едва ее слушает.

– Боже, ну почему мы с тобой разговариваем в прихожей! – воскликнула она, вновь перебивая дочь. – Я затопила камин в гостиной. Сегодня холодновато.

Флоранс нахмурилась. Она наслаждалась по-летнему теплым днем. Еще немного, и осень сметет это тепло.

Она поставила чемодан и только тут заметила простенькое зеркало, висящее напротив входной двери. Как это в духе ее матери! Та не упускала случая полюбоваться на себя в зеркале. Однако сейчас Клодетта даже не взглянула на свое отражение. Флоранс все же посмотрелась в зеркало и поправила свои непокорные светлые локоны.

В маленькой гостиной на стуле рядом со столиком дремал здоровенный рыжий кот. Поодаль, в углу, стояли напольные часы. Кот приоткрыл зеленый глаз, мельком взглянул на незнакомку и, не выразив недовольства, снова погрузился в дрему.

– Надо же, у тебя кот, – удивилась Флоранс.

– Это не мой. Он принадлежит... вернее, принадлежал одной милой женщине, которая оставила наш мир.

– Она умерла?

– Какое неприятное слово. В общем, кот перебрался жить сюда. Мне он нравится.

– И как его зовут?

– Франклин Робинсон, – ответила мать. – Я зову Робби. Хочешь чая?

Флоранс удивленно вскинула брови. С каких это пор ее мать держит кота и пьет чай? Флоранс вспомнилось детство, когда был жив отец и семья жила в Ричмонде. Клодетта всегда вела себя как истая француженка, хотя порой и одевалась на манер знатной английской леди.

Пока Клодетта хлопотала на кухне, Флоранс рассматривала гостиную – уютную комнату с низким потолком. Что-то перекочевало сюда из ричмондского дома: желто-голубые кружевные

подушки, два кресла и сине-белый ковер, когда-то лежавший на полу в родительской спальне. От камина, где трещали дрова, веяло жаром. Флоранс захотелось открыть окно. В этот момент с чайным подносом вернулась мать.

– Где туалет? – спросила Флоранс и встала.

Мать опустила поднос на столик, кивком указав в сторону двора. Только сейчас Флоранс обратила внимание на сильно постаревшие материнские руки.

Когда она вернулась в гостиную, Клодетта стояла, держа в руке заварочный чайник.

– Дай-ка я налью нам чая, – сказала мать, и обе засмеялись. – Угощайся печеньем. Разумеется, овсяным. И масла в нем маловато. Я пеку и передаю в «Женский институт» на продажу. Вносим свой вклад в помощь фронту.

Флоранс не знала, как ответить. Прежняя Клодетта не стала бы возиться с овсяным печеньем.

– Попробуй варенье. Яблоки с ревенем. Ревень я выращиваю, а от прежних хозяев мне достались две яблони. Правда, с сахаром тяжело. Я часто заменяю его морковкой. Летом кладу инжир.

Интересно, мать тосковала по их отцу, когда переехала сюда из Ричмонда? А по своим дочерям? В ее письмах об этом не было ни строчки. Клодетта редко упоминала об их прежней жизни в Ричмонде, если не считать сообщений о том, какие вещи продала и какие оставила себе. Интересно, какие чувства испытывает мать по тем дням? Флоранс хотелось спросить об этом, но обсуждение чувств всегда было запретной темой.

– Значит, ты счастлива здесь.

Клодетта кивнула, но вид у нее был напряженный.

– Между прочим, это дом семнадцатого века.

– А почему ты решила переехать именно сюда, в эту деревню?

– Котсуолдс напоминает мне Дордонь.

– Но, маман, ты могла бы поехать с нами. Если не сразу, то потом, когда еще не начались военные действия. И во время войны мы жили бы все вместе.

– Нет, не могла. Сама знаешь: в том доме мало места. Туда даже на время не приедешь, иначе тебе с Элизой пришлось бы спать в одной комнате.

– Я бы не возражала.

– Терпеть не могу тесноту! И вы трое прекрасно справлялись без меня.

Флоранс чувствовала: Клодетта что-то скрывает. Может, эта жизнь в одиночку была ей нужна, чтобы видеться с... Нет, конечно. С тех пор как мать изрезала красное платье, прошло много лет. Тогда Клодетта в последний раз видела *его*. Флоранс взяла чашку и сделала глоток. Вкусно. Безупречный вкус позволял матери заваривать превосходный английский чай даже сейчас, когда он, в числе многих продуктов, продавался по карточкам.

– Как твои сестры? – спросила Клодетта.

– Хорошо. Надеюсь, что с ними все благополучно. Во всяком случае, так было, когда я уезжала... А ты знаешь, что Элиза ждет ребенка? – помолчав, спросила Флоранс.

Клодетта поджала губы.

– И, как понимаю, без мужа. Впрочем, это в духе Элизы. Моя средняя всегда была дикаркой.

– Маман, ты слишком поспешно судишь. Отцом ее ребенка был Виктор. Смелый человек. Нацисты его схватили и казнили. Это было ужасно! Я думала, Элиза этого не переживет. Не представляю, как она сейчас.

Клодетта вздохнула и печально покачала головой. Флоранс не знала, относился материнский вздох к гибели Виктора или к незамужнему положению Элизы.

– Нам всем тогда было чудовищно тяжело, – сказала Флоранс, и у нее дрогнул голос; немного успокоившись, она продолжила: – Мы все втянулись в помощь местному Сопротивле-

нию. Даже Элен, а ты знаешь, насколько она осторожна. В таких условиях поневоле пришлось выбирать, на какой ты стороне.

Клодетта молча кивнула. Не сказала, что понимает, как тяжело было ее дочерям. Не коснулась руки своей младшей.

– Ты не поверишь, как война разделила людей в деревне. Старые друзья стали врагами. Это было ужасно! Правда, после казни Виктора многие очнулись и поменяли свою позицию. Думаю, его гибель стала последней каплей.

Клодетта снова промолчала. Флоранс чувствовала, что ее слова падают в пустоту. У нее внутри все бурлило, но не от избытка сил. Она набиралась смелости, чтобы сказать матери об истинной причине своего бегства в Англию.

– Маман, мне нужно рассказать тебе правду о том, почему я была вынуждена покинуть Францию, и я хочу сделать это прямо сейчас. Я...

– Не сейчас! – резко прервала ее мать. – Потом. Флоранс, мне не до французских событий.

Флоранс будто ударили в живот. Она обхватила себя за талию.

– Мне нужно, чтобы ты выполнила мое поручение и отправилась на поиски одного человека, – продолжала Клодетта, не замечая состояния дочери. – Это предельно важно.

– Я только что приехала. Неужели твое поручение не может подождать?

– Нет, не может!

– Но маман... – Флоранс пыталась оставаться спокойной, хотя внутри нарастала паника. Что, если мать вообще не захочет ее слушать? – Мне очень нужно поговорить с тобой. О недавних событиях и о прошлом тоже.

Клодетту это не остановило.

– Прошлое подождет. Я же тебе сказала: ты должна выполнить мое поручение.

Флоранс смотрела на мать и кусала губы. Она столько времени ждала этого разговора, однако в характере Клодетты ничего не изменилось. Пусть сестры и считали ее маминной любимицей, Клодетта пресекала любые разговоры дочерей о жизненных трудностях, и Флоранс не была исключением.

– Почему ты скрывала от нас некоторые события своей жизни? – спросила Флоранс.

– Не понимаю, о чем ты. Впрочем, сейчас это не имеет значения. Мне вот что важно.

Клодетта чопорно встала, подошла к книжной полке, сняла небольшую шкатулку и протянула Флоранс.

– Что это? – едва сдерживая гнев, спросила Флоранс.

– Открой.

Флоранс откинула крышку. Внутри лежали католические четки с прикрепленным к ним мальтийским крестом и записка.

– Это мне прислала Розали.

– Твоя сестра? – хмуро спросила Флоранс. – Откуда она узнала, что ты живешь здесь?

– Она ничего не знает. Посылка затерялась на почте и бог весть сколько пролежала там. Потом ее отправили в Ричмонд, а оттуда переслали мне. Прочти записку... от Розали. Она обещала написать еще. Она попала в тяжелую ситуацию, и ей срочно требовалась моя помощь. Но она так и не написала.

Было видно, что Клодетта вот-вот заплачет. Флоранс захотелось поддержать мать. Она протянула руку, но Клодетта, утратившая недавнюю чопорность и превратившаяся в несчастное, потерянное существо, этого даже не заметила.

– Я представляю, каково тебе было получить эту записку, – сказала Флоранс. – Прости мою настойчивость. Но теперь я здесь. Времени у нас более чем достаточно для разговоров обо всем. Согласна? Я тебе помогу, в том числе и по дому.

– Нет! – отрезала Клодетта. – Этого еще не хватало! Я не немощная старуха и не нуждаюсь в помощи.

От резкого тона матери Флоранс сжалась. Для нее это было непривычно. Элиза – та спокойно реагировала на острый язык Клодетты и даже на жестокость, а для Флоранс подобное стало ударом.

Какое-то время обе молчали.

– Ты скучаешь по сестре? – заговорив первой, спросила Флоранс.

– А ты как думала? – вздохнув, огрызнулась Клодетта. – Я что, каменная? Когда она исчезла, я словно на куски распалась.

«Может, исчезновение Розали как-то связано с моей матерью?» – подумала Флоранс.

– Мне кажется, она отправилась на Мальту, – сказала Клодетта.

– Ты так думаешь из-за креста?

– Да. Мальта – небольшой остров. По сути, крепость. Он находится к югу от Сицилии, неподалеку от Африки.

– А как твои родители узнали, что Розали сбежала, а не... была увезена силой?

– Каким-то образом узнали. Потом от них и я узнала.

– И причина бегства им тоже была известна?

– Да.

– А тебе?

– Тоже. Довольно расспросов! – раздраженно бросила Клодетта.

– Пусть будет так, – сказала Флоранс, которой очень хотелось спросить о причине бегства своей тети из родительской семьи, но, видя страдальческие глаза матери, воздержалась от всех вопросов, кроме одного: – И что ты хочешь мне поручить?

В глазах Клодетты блестели непролитые слезы.

– Возможно, Розали уже нет в живых. Но я хочу, чтобы ты выяснила это наверняка. Пожалуйста! Если она жива, это стало бы для меня единственным шансом... исправить случившееся в прошлом. Я не помогла ей ни когда она еще жила в Париже и просила меня о помощи, ни потом, когда получила эту записку.

Флоранс растерялась:

– Но Розали не сообщила тебе, где находится. И сбежала она почти двадцать лет назад. Никто с тех пор ее не видел, и никто не знает, где она.

Клодетта поморщилась:

– Она вечно встревала в беду. Дикая, своевольная, вроде твоей сестрицы. Родителям было с ней не совладать.

– Вроде Элизы?

Клодетта кивнула и дрожащей рукой смахнула слезы:

– Ты права. Никто не знает, где она и что с ней. Я могу лишь строить догадки. Кроме четок и записки, у меня нет ничего. Но если ты найдешь ее, то обязательно скажи, что я очень виновата перед ней. В своей жизни я мало о чем сожалела...

«А вот здесь ты врешь», – подумала Флоранс. У ее матери хватало причин для сожаления.

– Но... – продолжала мать, – я знаю... дело в том... я знаю, что подвела свою сестру.

– У тебя есть ее фотография? – спросила Флоранс.

– Только та, что я пришила к зеркалу в вашем французском доме. Ты помнишь тот снимок?

– Да, помню. У нее ведь были рыжие волосы? Конечно, на черно-белом снимке этого не видно, но я помню, как ты говорила про ее волосы.

Флоранс силилась вспомнить лицо своей таинственной тети.

– У нее были удивительные блестящие рыжие волосы и красивые синие глаза. В юности волосы Розали падали на плечи. Мать всегда заставляла заплетать их в косу. Говорила, что волосы такие же неуправляемые, как сама Розали.

Флоранс рассеянно почесывала затылок, не зная, что и думать. С какой странной просьбой обратилась к ней мать. Она не помнила, чтобы Клодетта за что-то извинялась. О младшей сестре мать говорила редко и никогда не рассказывала, почему та сбежала из дому, коротко бросая: «Не имеет значения». Словом, семейная тайна, о которой не говорят. Флоранс и ее сестры смирились с этим и перестали задавать вопросы. И почему после стольких лет мать вдруг вспомнила о Розали? Что же случилось со своевольной девушкой и почему именно сейчас Клодетте понадобилось ее найти?

Глава 5

Ночь в отведенной Клодеттой комнате прошла беспокойно. Флоранс ворочалась с боку на бок. Причин хватало. С одной стороны, ей было жаль мать, с другой – ее одолевала тревога по поводу завтрашнего разговора о прошлом, а кроме того, позиция, занятая Клодеттой, вызывала раздражение. Элен и Элиза всегда обвиняли мать в бесчувствии, но Флоранс только сейчас поняла правоту упреков сестер.

Конечно же, она думала и о Розали, и о настойчивой просьбе Клодетты. В исчезновении сестры матери, несомненно, была какая-то интрига. Но неужели мать не понимает, что, пока продолжается война, ни о какой поездке на Мальту не может быть и речи? Эх, поговорить бы сейчас с Джеком!

Флоранс уже скучала по Девону. Ей отчаянно хотелось снова оказаться в уютном доме Джека, а при мысли о нем самом в груди появлялась тяжесть. Но потом она отругала себя за неподобающие мысли, встала и оделась в то же, в чем приехала вчера, пообещав себе, что удобства на улице навестит позже. Теперь у нее другая жизнь, и чем раньше она забудет про Джека, тем лучше.

Когда Флоранс спустилась, Клодетты не было ни в гостиной, ни на кухне. Выглянув из кухонного окна, она увидела мать в саду. Наверное, та почувствовала взгляд дочери и обернулась. Лицо Клодетты ничего не выражало. Флоранс помахала ей, открыла заднюю дверь и вышла. Они должны поговорить, причем немедленно. Дальше откладывать этот разговор было невозможно.

– Дорогая, иди сюда, – позвала Клодетта. – Не хотела тебя будить. Думала, тебе надо поспать.

Флоранс подошла к матери, срезавшей кремовые розы с легким розовым оттенком:

– Какие красивые!

– Это сорт «Альфред де Дальма». Как мне говорили, очень старый и редкий. Но куст уже был, когда я сюда переехала.

– А где твой огород?

Мать указала в дальний конец сада:

– За живой изгородью. Фактически уже не в саду, а на чужом поле. Но фермер разрешил мне вскопать грядки. Война как-никак. Видишь калитку? – (Флоранс кивнула.) – Сходи взгляни.

Флоранс уже хотела пойти туда, но передумала. Разговор с матерью нужно начинать немедленно, чего бы ей этого ни стоило.

– Маман, я хотела поговорить с тобой о Франции.

– Дорогая, это так срочно?

– Да.

– Лучше полюбуйся на эту красоту. – Клодетта подошла к клумбе штокроз, окруженных садовыми васильками. – Конечно, активное цветение уже позади, но чувствуют они себя очень неплохо. А почва здесь плодородная.

– Во Франции я удобряла розы навозным компостом, – сказала Флоранс и тут же, не позволяя матери увести разговор в сторону, добавила: – Может, вернемся в дом и поговорим за чаем?

– Всеу свое время. Идем, я хочу взглянуть на свой латук.

Флоранс вздохнула и вслед за матерью пошла к калитке.

– Вот и мой огородик, – весело произнесла Клодетта, полностью игнорируя слова дочери. Отчаяние Флоранс нарастало, но она взяла себя в руки и решила подыграть матери.

– Ты хорошо потрудились над огородом. Никогда бы не подумала, что ты займешься выращиванием овощей.

Клодетта нагнулась и сорвала несколько пучков латука.

– Как говорят, нужда заставит. Из латука получится отличный салат для ланча. Согласна? И еще добавить помидоров из теплицы.

– Во Франции у меня были помидоры. Маман, а ты тоскуешь по Франции?

Клодетта нахмурилась и отбросила волосы, лезущие в лицо:

– Да не особенно.

– А когда ты была моложе? Когда мы были маленькими и ездили туда на лето? Ты не скучаешь по тем дням?

– Я вообще о них не думаю! – отрезала Клодетта, поворачиваясь к ней спиной. – Нет, ты только посмотри на эти сорняки!

Клодетта направилась к сараю. Флоранс вздохнула.

Из сарая мать принесла полольную вилку и взялась за пяточок, который совсем не нуждался в прополке.

– А отец когда-нибудь приезжал во Францию? – не отступала от своего Флоранс. – Он ведь был наполовину француз. Я не помню его там. – (Молчание.) – Маман, ну давай пойдем в дом. Ну пожалуйста! – упрашивала Флоранс, надеясь уломать Клодетту.

– Мне нужно выполоть сорняки.

– Я же прекрасно вижу: ты выдумываешь занятия, чтобы не говорить со мной, – не выдержала Флоранс, чувствуя надвигающуюся бурю.

Клодетта выпрямилась. Глаза яростно сверкали.

– Не смей говорить со мной в таком тоне! Мне нужно сделать прополку.

Внутри Флоранс что-то надломилось.

– А мне нужно тебе сказать, что я встретила своего настоящего отца и теперь знаю правду.

Флоранс зажала рот, тут же пожалев о вырвавшихся словах. Ей хотелось рассказать об этом постепенно и последовательно, но теперь пришлось выдавать правду в сжатом виде.

– Мама, я встретила Фридриха. Моего настоящего отца. Я знаю, что он немец и что у тебя с ним были близкие отношения. Я познакомилась и с Антоном, его сыном и моим единокровным братом.

У Флоранс бешено колотилось сердце, хотя она и старалась говорить спокойно.

Клодетта не желала смотреть ей в глаза.

– Маман, из-за своего немецкого отца мне пришлось бежать из Франции. Элен опасалась, что после освобождения мне это могут припомнить. Местные жители уже расправлялись с коллаборационистами. Мне было очень тяжело уезжать. А само путешествие... – Хлынувшие слезы заставили Флоранс замолчать.

На лице матери не дрогнул ни один мускул. Клодетта лишь поднесла руку ко лбу, загораясь от солнца.

– Я не хотела шокировать тебя. Прости. Я... Но почему ты скрывала от меня правду?

Клодетта молча повернулась и пошла в дом. Войдя, она так же молча закрыла заднюю дверь. Флоранс пальцами вытерла глаза и пошла следом.

Мать стояла, упершись взглядом в пол. Лицо ее было бледным. Затем она подняла голову и сердито посмотрела на Флоранс:

– Как ты посмела приехать сюда и говорить о подобных вещах?! Да еще в саду, где тебя могли услышать?

– Прости, у меня это выплеснулось. Потому я и просила тебя пойти в дом.

– Пора бы кое-что соображать! – прошипела Клодетта. – В нынешней Англии говорить о немецком отце! Вот уж не ожидала от тебя.

– Мама, прости. Понимаю, я повела себя неосмотрительно. Но мне необходимо знать о том, что произошло между вами. Ты любила Фридриха? – осторожно спросила Флоранс, не совсем понимая, какой ответ хочет услышать. – (Клодетта отвернулась.) – Ну почему ты так себя ведешь? Я всего лишь хочу узнать, любила ли ты его?

Флоранс услышала звук, похожий на сдавленное рыдание. Ей захотелось обнять и успокоить мать, но Клодетта ее оттолкнула. Задетая таким отношением, Флоранс попятилась.

– А отца Элен и Элизы ты когда-нибудь любила? Ты была несчастна в Ричмонде? Мы тебе мешали?

Мать напоминала неприступную скалу.

– Довольно задавать мне вопросы!

– Я не понимаю, почему ты так холодна. Тебя ошеломило, что мы узнали правду? Причина в этом?

Флоранс показалось, что кухонные часы тикают слишком громко. Клодетта не отвечала. Ее пальцы угрожающе скрючились.

– Я что, не имею права знать?

Мать подняла дрожащую руку, словно желая заткнуть ей рот:

– Прошлое в прошлом и осталось. И права у тебя нет.

– Но, маман, ты нам лгала! Столько лет ты нам лгала. Что при этом испытывал мой английский отец? И как ты могла так поступить с ним, если любила Фридриха?

– Довольно! Хватит об этом. И больше чтобы я не слышала от тебя подобных речей!

Клодетта говорила сквозь зубы и вдруг обрушила на Флоранс бурный поток гневных французских слов, вызвав у дочери ответный поток слез.

– Мама, прекрати! Не говори со мной так!

Клодетта вскинула руку, словно намеревалась ее ударить. Флоранс вздрогнула, попятилась и споткнулась. Материнское лицо было перекошено гневом. Рука по-прежнему сжимала полую вилку. И вдруг, размахнувшись, Клодетта с силой швырнула вилку в стену. Удар пришелся по кухонным часам. Стекланный корпус разлетелся вдребезги, усеяв осколками пол. Мать ушла, хлопнув задней дверью.

– Мама! Нам нужно поговорить! – крикнула ей вслед Флоранс.

Убедившись, что Клодетта не вернется, Флоранс взбежала наверх, схватила одежду и побросала в чемодан. Вспышка материнской ярости потрясла ее до глубины души. По щекам текли слезы. Флоранс сердито смахивала их. Как могла Клодетта так обойтись с ней? Почему раньше она никогда в полной мере не осознавала, что мать способна на подобные вспышки? И чем кончилось это ее неведение? Флоранс вспомнились перепалки Элизы с Клодеттой. Однажды сестра накричала на мать, обозвав ту гарпией, отвратительным чудовищем из греческой мифологии. А Клодетта встала с дивана, взмахнула руками, словно крыльями, и бросилась на Элизу, горько посмеиваясь. Но Флоранс всегда обвиняла Элизу в недобром отношении к маман. Сейчас Флоранс впервые поняла, насколько права была ее сестра, и ей стало стыдно. Она не имела права осуждать Элизу. «А любила ли мать кого-нибудь из вас?» – тихо спрашивал ее внутренний голос.

Одно было ясно: если Клодетта не позволит ей говорить обо всем, что она узнала и с чем столкнулась во Франции, оставаться здесь нет смысла. Флоранс чувствовала себя глубоко задетой и оскорбленной. Бросив щетку для волос поверх вещей, она защелкнула замки чемодана, сбежала вниз и заглянула в гостиную проверить, не оставила ли там чего. В гостиной было тихо. Из открытого фасадного окна тянул ветерок, шевеля край последней записки Розали, которая до сих пор лежала на кофейном столике.

Глава 6

РОЗАЛИ

Париж, 1925 год

Розали Делакура торопливо вышла из юго-западной части Люксембургского сада и углубилась в грязноватые улочки Монпарнаса. Ее путь лежал мимо «Кафе-дю-Дом». Не так давно знаменитое кафе преобразилось и стало по-настоящему шикарным. Там появились зеркальные стены, а из цветов доминировали малиново-красный и золотистый. Сюда приходили, чтобы на других посмотреть и себя показать. Ноздри Розали улавливали дым сигарет «Житан» вперемешку с вонью сточной канавы и газом из немногих уцелевших газовых фонарей. А из кафе тянуло невероятно чувственным ароматом духов «Шалимар».

Она любила богемный Монпарнас, где из полутемных залов кафе и баров струились звуки джаза. Это называлось *le jazz-hot*⁶. Страстные, необузданные, откровенно плотские. В них слышалась свобода, которой так жаждала Розали.

Подойдя к нужному месту, она толкнула дверь из дымчатого стекла и увидела владельца заведения Джонни Купера.

– О'кей, – с отвратительным американским акцентом произнес он и улыбнулся.

Жуткие зубы Джонни заставляли усомниться, американец ли он. Розали была уверена, что имя он себе придумал, чтобы привлекать побольше американских туристов в сказочный «Город света». В клубе даже подавали столь любимые американцами гамбургеры. Гостей обслуживал приехавший из Лондона официант по имени Норман, с которым Розали намеревалась совершенствовать свой английский.

– Отлично, – ответила она Джонни, и тут ее окликнули.

– А ты не очень-то спешила, – сказала ей девушка и, затянувшись в последний раз сигаретой «Голуаз», раздавила окурочку на плитках пола. – Пошли.

– Я не могла улизнуть, пока они не улягутся, – пояснила Розали.

Темноволосую и темноглазую девушку звали Ирен. Она жила в трущобном районе, куда во время войны хлынули беженцы.

– Если ты считаешь, что тебе тяжело, побывала бы в моей шкуре, – сказала на это Ирен.

Розали знала, в каких стесненных условиях ютятся парижские бедняки. Если она мечтала вырваться из рамок регламентированной буржуазной жизни, такие, как Ирен, стремились вынырнуть из нищеты. Ирен входила в небольшую группу молодых танцовщиц, с которыми Розали предстояло сегодня выступить в заднем помещении клуба. Ее сценическим костюмом будут перья розового фламинго, едва прикрывающие бедра и грудь.

– Ну как, готова танцевать? – спросила Ирен. – Все-таки первый раз выступаешь.

Розали кивнула, хотя вся была на нервах.

В тусклом свете крохотной раздевалки она сняла одежду, оставшись в золотистом костюме. Этот костюм она сшила сама, увидев в журнале «Вог», который выписывала мать. Наряд, скопированный ею, принадлежал американской кинозвезде Мэрион Дэвис.

– Недурненько, – заключила Ирен, осмотрев ее с головы до ног. – Но личико тебе надо сделать поярче. – Розали нахмурилась, однако Ирен была непреклонна. – Садись!

Розали послушно села. Ирен открыла стоявшую на столике коробку с набором косметики.

– Губки, дорогуша, сделаем тебе ярко-красными. Помады не пожалеем и нарисуем тебе идеальный контур. Великолепно сочетается с твоими рыжими волосами. И глазам добавим выразительности. Ты знаешь, что у тебя потрясающие глаза?

⁶ Хот-джаз, или темпераментный джаз (*фр.*).

– В самом деле?

– Не прибедняйся, ты же знаешь. Такой чудный синий цвет. Ты похожа на Лейлу Хайамс, хотя глаза у нее и другого цвета.

– Кто это?

– Киноактриса. Невероятно хорошенькая. Лицо сердечком и потрясающий рот. Совсем как твой. Тебе не мешало бы волосы подстричь, сделать такой длины, как у нее. – Ирен нагнулась и взяла журнал из кипы, лежащей на полу. – Вот она. Пока еще не слишком известна, но за этим дело не станет.

Розали всмотрелась в фотографию женщины с впечатляющими глазами и вьющимися коротко подстриженными волосами.

– Рада, что ты брови выщипала, – продолжала Ирен. – Я их сделаю потемнее.

– Я не хочу походить на клоуна.

Ирен уперла руки в бока и сделала вид, что обиделась.

– Вот как!

Розали не терпелось примкнуть к женщинам постарше, танцевавшим и развлекавшимся с тех самых пор, как семь лет назад закончилась война. Тогда она была еще мала. Но сейчас, в свои девятнадцать, ей не терпелось наверстать упущенное. Париж упивался необузданной свободой. Теперь настал и ее черед вкусить фривольности, хотя это и придется делать тайно. Чтобы добраться сюда, она надела старое отцовское пальто, под которым спрятала свой откровенный сценический костюм.

Париж обожал чернокожих американских джазовых музыкантов. Сегодня для них будет играть обаятельный Сол, приехавший из Нью-Йорка, – немногословный красавец с меланхоличными глазами и обворожительной улыбкой. Из раздевалки было слышно, как он разогревается перед выступлением. Чувственные ноты, долетавшие сюда, будоражили Розали, успокаивали и поднимали настроение. Ирен закончила возиться с ее лицом. Обе вышли и встали в складках занавеса, закрывавшего небольшую сцену. Сол кивнул Розали и продолжил свое занятие.

Но в мире, куда она так стремилась попасть, существовали не только развлечения. Наряду с чувством свободы и безудержного оптимизма, когда кажется, что все возможно и достижимо, была и опасность. В Париже набирало силу новое правое движение.

– За этими следи в оба, – предупредила ее Ирен перед выходом на сцену. – Если что – сразу сматывайся.

– А как я их узнаю?

– Этих ублюдков ты сразу узнаешь.

Ублюдки, о которых говорила Ирен, именовали себя «Молодыми патриотами». Их вдохновляли фашистские идеи Муссолини, и они люто ненавидели коммунистов. Но среди посетителей заведения Джонни коммунистов не было. Здесь собирались начинающие писатели и художники, чтобы выпить, угоститься недорогими тулузскими колбасками с картофельным пюре и поговорить о литературе и живописи. И тем не менее коммунистическая партия быстро росла и дерзко заявляла о себе. На парижских улицах вспыхивали стычки. Розали очень не хотелось, чтобы нечто подобное произошло в кафе. Только ареста ей не хватало. Она и так серьезно рисковала.

Ее сугубо традиционная семья жила в богатом Шестнадцатом округе, неподалеку от парков, и занимала квартиру в доме XVII века с высокими потолками и чугунными балконами, откуда открывался удивительный вид на Сену. Но жизнь округа казалась Розали сонной. Такими же были и его обитатели. Ожидания и напрасные надежды, возлагаемые на нее родителями, ощущались ловушкой. Розали хотелось бурной и яркой жизни, и она была полна решимости жить именно так.

Она вслушивалась в музыку, ожидая момента, когда нужно будет выйти на сцену.

– Рано еще, – прошептала Ирен, удерживая ее за локоть. – Жди, пока я не вытолкну тебя.

Сегодня Розали наконец-то исполнит свое предназначение и станет дочерью-бунтаркой, в чем ее упрекали с ранних лет. Уже давно она поняла нехитрую истину: да, она постоянно разочаровывала родителей, но ведь они тоже разочаровывали ее. И сейчас, вся на нервах и одновременно взбудораженная, она готовилась осуществить то, чего ей хотелось.

А ей хотелось что-то представлять собой, чего бы это ни стоило. Ей хотелось быть иной, жить в большом, волнующем мире: красочном, пульсирующем энергией. В мире, где исполняются мечты.

Музыка поменяла ритм. У Розали заколотилось сердце. Пора. Это был сигнал их выхода на сцену.

– Вперед, – прошептала Ирен и вытолкнула ее на сцену.

Глава 7

С момента первого выступления Розали прошло несколько недель. Этим субботним вечером она готовилась в очередной раз выйти на сцену. «Бар Джонни», как называлось заведение, был полон. Обилие света и смеха вокруг вызывало у Розали нервозность. Ей казалось, что эта яркая, блистательная часть Парижа вдруг поднимется в воздух и исчезнет, а она тогда будет вынуждена вернуться в унылый мир своих родителей. Она быстро оглядела лица собравшихся. Так она делала каждый вечер. Мало ли, вдруг среди зрителей или посетителей бара окажется кто-нибудь из родительских друзей. Вероятность этого была крайне мала, и все же Розали продолжала изучать публику. Не увидев знакомых лиц, она облегченно вздохнула. Тело наполнилось приятной энергией. Еще немного – и она поднимется выше облаков и будет вечно там парить. Глядя на нее, Ирен покачала головой. Жест не был осуждающим. Скорее отрезвляющим. Он вернул Розали в реальность.

– Опять витаешь в облаках?

– Я?

– Спустись на землю, девочка. Ты не в раю, а в «Баре Джонни».

Ирен была права. Она в баре. Здесь и сейчас. И это хорошо... до поры до времени.

– Пошли, – сказала Ирен и затушила окуроч сигареты. – Пора опять подрыгать ногами. Удивляешь ты меня своими большими идеями, – со смехом добавила она.

– А ты разве не мечтаешь?

– Я? Нет. Я довольствуюсь тем, что идет мне в руки.

Танцовщицы начали второе выступление. От сигаретного дыма у Розали першило в горле. Но ей удалось не сбить дыхания и плавно войти в ритм музыки. Танец был ее любовью, жизнью, страстью. Она улыбнулась Ирен и еще трем кружащимся танцовщицам. Девушки весело вскидывали руки, а в следующее мгновение склонялись почти до пола, чтобы затем совершить фантастические прыжки. Розали танцевала профессиональнее всех – сказывались десять лет занятий в балетной школе. Ей нравилось растворяться в звуках прекрасной игры Сола, когда сам воздух вибрировал, а звук ощущался всем телом.

Выступление закончилось. Розали услышала громкие голоса и по лицу Ирен поняла, что подруга их тоже услышала. Радостное возбуждение на сцене сменилось напряжением. Сегодняшняя атмосфера в зале была не похожа на прежние вечера. К неистовой жажде развлечения примешивалось тревожное чувство скорой беды. У Розали оно появилось еще несколько минут назад, но она не могла понять, с чем это связано. И вот... Вслед за криками послышался треск и грохот, как будто опрокинули столик. Снова грохот и звон разбитого стекла. Сол перестал играть и жестом показал танцовщицам, чтобы уходили со сцены. В зале появилась группа молодых мужчин, двигавшихся со стороны бара. Они хватали стулья, которыми били всех, кто оказывался у них на пути. Розали помчалась в раздевалку, набросила пальто и вернулась на сцену. К этому времени громы из «Молодых патриотов» взяли Сола в кольцо. К шуму и смятению в зале примешивался едкий дым. Розали не понимала, откуда он распространяется. Ее сердце бешено колотилось. Интуиция требовала бежать отсюда, но Розали не могла. Она должна помочь Солу, и как можно быстрее. Она бросилась к музыканту, однако Ирен вцепилась в нее и сердито прошептала:

– Ему ты не сможешь. Себя спасай.

Выйти из зала можно было только через бар, где сейчас творилось невообразимое. Кричали мужчины, визжали и плакали женщины и девушки. А к драке спешили примкнуть все новые участники. Оттолкнув Ирен, Розали бросилась вызволять Сола. Одного из нападавших она схватила за руку и попыталась оттащить от музыканта. В этот момент чей-то локоть ударил ей в висок. Розали отлетела в сторону, безуспешно пытаясь за что-нибудь схватиться. Спа-

сительных предметов не было, и она упала, ударившись головой о ступеньку. Перед глазами мелькнула яркая вспышка, а затем все погрузилось в темноту.

Когда она очнулась, в голове гудело. Болел разбитый висок. К этому времени зал наводнила полиция. Розали увидела, как полицейские зашелкивают наручники на запястьях сопротивляющегося Сола и нескольких парней из «Молодых патриотов». Те огрызались и пытались отбиваться. Полицейский помог Розали встать на ноги. Она уже хотела поблагодарить, как вдруг он зашелкнул наручники и на ней.

– Но я же ничего не сделала, – возразила она.

– Тогда почему у вас все лицо в крови?

Розали ощупала щеки. Пальцы уткнулись во что-то липкое.

– Боже! У меня кровь! – ужаснулась она, взглянув на руку.

– Совершенно верно, – прищурился полицейский. – И что же благовоспитанная девушка делала в подобном заведении? Сколько вам лет?

– Двадцать один, – соврала она и ощупала рот, боясь, не сломала ли зуб.

– Двадцать один? В таком случае я мэр Парижа. Отвезем вас в участок, там установим ваш настоящий возраст.

Розали попыталась застегнуть пуговицы пальто, чтобы скрыть фривольный сценический костюм.

– Не трудитесь, мадемуазель. Я уже видел ваш более чем скудный наряд. Значит, к мужчинам пристаёте?

– Разумеется, нет.

– Это вы расскажете в участке, если только вам нечего мне предложить.

Полицейский расхохотался. Розали лягнула его в лодыжку. Полицейский крепко схватил ее за руку и поволок к ожидавшему фургону. Напрасно она требовала немедленно ее отпустить. Розали втолкнули в фургон.

Ранним утром дверь камеры, где Розали провела ночь с двумя женщинами, чьи лица были обезображены синяками и кровоподтеками, распахнулась, и вошел полицейский. Попав в камеру, Розали попыталась рукавами пальто стереть с лица кровь и макияж. Ей удалось убрать ярко-красную губную помаду. Она надеялась, что стерла и румяна со щек, а вот брови и веки... на этот счет у нее имелись серьезные сомнения. Зеркальца при ней не было, но ей не хотелось, чтобы родители увидели ее размалеванной, как шлюха. Эти слова мать неизменно отпускала в адрес женщин легкого поведения. Полицейский жестом велел Розали следовать за ним. Они прошли по длинному коридору, провонявшему потом и табаком, поднялись по лестнице и оказались в тесной комнате на задворках полицейского участка. Там стоял ее разгневанный отец.

– Благодарю вас, месье полицейский, – почти не разжимая губ, произнес отец, отчего слова были похожи на шипение. – Смею вас уверить, что такое больше не повторится.

– Рад слышать, месье.

– И я могу рассчитывать, что эта история не получит огласки?

Полицейский кивнул и похлопал себя по карману. Чувствовалось, отец хорошо ему заплатил.

Розали открыла рот, пытаясь объяснить случившееся. Отец поднял руку:

– Ни... слова.

Он вытолкнул дочь в другую дверь и вышел сам.

Домой ехали молча. Розали ломала голову над правдоподобным объяснением. Ее пальто было застегнуто на все пуговицы, и потому отец не видел, что внизу. Пожалуй, она скажет, что подруга позвала ее посидеть в баре за выпивкой. Такое объяснение явно не понравится родителям, но сказать правду она ни в коем случае не могла. Каково было бы родителям узнать,

что она работает танцовщицей в «Баре Джонни»! У ее властного отца мог случиться припадок, а мать, не догадывающаяся, чем занимается дочь, закатила бы истерику. Родители и понятия не имели о настоящих удовольствиях.

Отец Розали занимал высокий пост в Министерстве общественных работ. Он гордился тем, что во время послевоенной неразберихи и непонимания между министрами способствовал осуществлению всех задач, касающихся восстановления Франции. Карьера означала для него все, а к жене и детям он относился с едва скрываемым безразличием.

Своей тайной Розали поделилась лишь с сестрой. Клодетта, которая была старше ее на девять лет, пообещала не разглашать тайну, однако настоятельно посоветовала бросить это занятие. Сестра жила в Англии с мужем и тремя дочерьми: Элен, Элизой и малышкой Флоранс. Ее муж был наполовину французом и наполовину англичанином. Клодетта регулярно навещала родителей, а в промежутках Розали остро недоставало присутствия сестры. В родительском доме не было душевного тепла, зато там очень пеклись о соблюдении внешних приличий. Всякое проявление чувств подавлялось. Розали внушали, что ее обязанность – стать хорошей женой и матерью. Клодетта была единственной, кого она любила.

Дома родители устроили ей отвратительный допрос с пристрастием, однако Розали твердо держалась придуманной истории: во всем виновата подруга, которая позвала ее в «Бар Джонни» и сбила с пути истинного.

– А что это за черная гадость у тебя вокруг глаз? – сердито спросила мать.

– Я...

– Кто эта подруга? – перебила ее мать, не дождавшись ответа.

Отца больше интересовало другое.

– Я не потерплю, чтобы ты являлась с коммунистами! – твердо заявил он.

– Я их вообще не видела, – твердила Розали, что было абсолютной правдой.

Отец поддерживал «Аксьон франсез» – правую националистическую организацию, которую, если верить слухам, финансировал парфюмер, предприниматель и газетный издатель Франсуа Коти. Если верить тем же слухам, у знаменитого парфюмера было предостаточно любовниц и незаконных детей, но отец Розали закрывал на это глаза. Ему было гораздо важнее, что за годы войны Коти стал одним из богатейших людей Франции и поддержал несколько его проектов реконструкции. При всей смеси правды и домыслов, окружавших личность знаменитого парфюмера, ясно было одно: он и другие деятели правого крыла усиленно насаждали в народе страх перед коммунистами, чтобы уберечь Францию от социализма.

Мать по-прежнему требовала назвать имя подруги, подбившей Розали отправиться в бар.

– С этой девушкой я познакомилась в балетной школе, – соврала Розали. – Зачем тебе ее имя? Она уже ушла оттуда.

– Так вот, больше не смей с ней встречаться! – заявила мать. – И вообще, тебе пора попрощаться с балетом. Я позвоню в школу и отменю твои дальнейшие занятия. Зато ты будешь чаще ходить на уроки машинописи. – (Розали тихо застонала.) – Для балерины ты слишком высока ростом и слишком...

Мать не договорила, но Розали и так знала окончание фразы. Да, у нее было совсем не балетное телосложение, что явилось одной из причин, почему Джонни охотно взял ее на работу. Американцам нравились женщины, у которых было за что подержаться, а не тощие и плоские парижанки-доходяги.

– Тебе пора найти подходящего мужа, – продолжала мать. – Иначе останешься старой девой. Ты же не можешь вечно жить под нашей крышей и делать все, что тебе в голову взбредет.

Розали отвернулась. Когда она найдет своего избранника, то сразу поймет: это он. У нее запоем сердце, она будет задыхаться от страсти. Ни одна из кандидатур, предлагаемых матерью, не вызвала у нее ни малейшего трепета.

Глава 8

Бородатый человек с носом картошкой, внимательно разглядывавший Розали, в одинаковой степени мог быть и художником, и преступником. Она пыталась заглянуть в его водянистые глаза под тяжелыми веками, но человек упорно смотрел на ее левое ухо. Судя по лопнувшим венам на щеках, он был пьяницей. Розали вовсе не желала с ним знакомиться, однако Ирен потащила ее к бару.

Незнакомец прищурился, и внутри Розали что-то шевельнулось. Наверное, предостережение. Розали с недоумением посмотрела на подругу. Почему та настаивает на знакомстве?

– Это Пьер, – сказала Ирен, игнорируя ее недоуменный взгляд.

– Выпить хотите? – спросил он.

Розали заметила у него два выкошенных передних зуба, затем посмотрела на обувь Пьера. Обувь могла сказать многое о владельце. На ногах Пьера были дорогие итальянские кожаные ботинки.

– Перно, пожалуйста, – подняв голову, сказала она.

– Хороший выбор, – похвалил Пьер.

– Пьер хочет кое-что тебе рассказать, – сообщила Ирен.

– Что, в самом деле? – спросила Розали, постукивая по барной стойке.

Прежде чем заговорить, Пьер стал разглядывать ее лицо, отчего ей стало не по себе. В его взгляде было что-то угрожающее. Она видела, как напряглась у него кожа вокруг глаз. Казалось, он что-то прикидывает в уме.

– Как бы вы повели себя, скажи я вам, что у вашего отца есть секрет? – наконец спросил Пьер.

Розали нахмурилась. Откуда этому человеку известно, кто ее отец?

– Я бы посмеялась над вами, – ответила она.

Что-то внутри подсказывало ей: стоит связаться с этим типом – и обратного пути не будет.

Пьер склонил голову набок и вновь пристально посмотрел на Розали:

– Это было бы ошибкой.

– Откуда человек вроде вас может что-то знать о моем отце?

– Я могу передать сведения полиции.

Опасность расходилась от него волнами, подобно приторно-сладкому запаху одеколona.

– Что это за сведения? – спросила Розали.

Он нацарапал несколько слов на клочке бумаги, увидев которые она удивленно изогнула брови.

– Ну как? – усмехнулся Пьер. – Вам интересно спасти отцовскую репутацию?

– У вас есть доказательства?

– Есть.

– И что вы хотите взамен?

– Скромное вознаграждение.

– Насколько скромное?

Дверь бара широко распахнулась. Вошла компания богатых молодых людей, несколькими годами старше Розали. Они смеялись и подшучивали друг над другом, споря, какой сорт шампанского будут пить. «Какие веселые парни», – подумала она, и ей отчаянно захотелось быть одной из них.

Пьер прошептал ей на ухо.

– У меня таких денег нет.

– Уверен, вы решите эту задачку.

Розали еще раз взглянула на богатую компанию и, быстро приняв решение, повернулась к Пьеру:

– В таком случае встретимся послезавтра. Мне еще надо посмотреть на ваши доказательства.

– Нет! – отрезал Пьер. – Встретимся завтра.

На следующий день, пока мать дремала в гостиной, устроившись в шезлонге, Розали прокралась в родительскую спальню. Из-за тяжелых бархатных штор там царил полумрак. Она сознавала рискованность затеи. Куда безопаснее было бы дожидаться, когда мать отправится на традиционный еженедельный обед с подругами.

Неужели Пьер действительно обратится в полицию? Какие сведения у него есть? Всю ночь Розали провалялась без сна, крутя эту ситуацию в голове. И теперь она вставила похищенный ключик в замок старинной шкатулки для драгоценностей, которую мать хранила на полке гардероба. Отец намеревался установить в квартире сейф, но, к счастью для Розали, его намерение еще не осуществилось. Она открыла шкатулку, подняла отделанную перламутром крышку, затем выдвинула нижний ящичек, обитый атласом. Внутри, в бархатных мешочках с завязками, хранились самые мелкие украшения. Розали годами примеряла фамильные драгоценности, а мать и не догадывалась. Розали взяла пару сверкающих сережек, отсутствие которых вряд ли будет замечено, вместе с бархатным мешочком. Услышав шаги в гостиной, она быстро вернула шкатулку на место, покинула спальню и бесшумно помчалась к себе в комнату.

Этим вечером она танцевала, как никогда прежде. Ее движения были предельно чувственными и даже опасными. В зеркалах на стенах переполненного, прокуренного зала отражались огни. Розали убыстряла темп, качая бедрами и ощущая себя колдуньей. Потом она повернулась к залу спиной и завертела задом, скромно прикрытым перьями. Послышались ликующие возгласы зрителей. Она вскидывала ноги, изгибалась всем телом. Эротичность ее танца заряжала и без того возбужденную аудиторию, приводя на грань неистовства.

Когда выступление закончилось и шум стих, Розали отправилась на разговор с Пьером. На этот раз Ирен благоразумно отошла, понимая, что она здесь лишняя.

– Вы принесли то, что мне нужно? – спросил он, когда они, взяв выпивку, уселись в нише. Розали осторожно показала ему серьги.

– Миленькие! – присвистнул он. – Но я говорил про наличные деньги.

– Я не смогла их достать. Это бриллиантовые серьги, и они стоят гораздо дороже.

– Зато их и проследить легче, – поморщился Пьер.

Розали улыбнулась. Разговор начинал ей нравиться.

– Уверена, вы решите эту задачку. Так что у вас есть для меня?

Пьер шумно вдохнул, затем наклонился к Розали:

– Все не так просто. Начну с того, что ваш отец пользуется чужим именем.

– Да? – недоверчиво нахмурилась Розали. – С какой стати это ему понадобилось?

– Чтобы обманывать правительство.

– Не говорите глупостей! – засмеялась она. – Теперь понятно, что вы ничего не знаете о моем отце.

Пьер наклонил голову и фальшиво улыбнулся:

– Мне довелось прочесть статью, в которой цитировали вашего отца. Там же была его фотография.

– Знаю, о какой статье речь. Ее напечатали в «Тан». Он говорил об успехах в восстановлении Франции после войны. Он работает в этом департаменте.

– И вы им гордитесь?

Розали фыркнула:

- У меня с отцом не те отношения, а вас это вообще не касается.
- Значит, вам не интересно узнать, что ваш отец создал свою небольшую строительную компанию?
- Боже, какая скука!
- Пьер снова наклонил голову:
- Так вот, в эту несуществующую компанию были влиты значительные суммы государственных денег за несделанную работу.
- И где, черт побери, вы добываете все эти сведения?!
- У меня есть свои источники.
- Да? Ну так идите в полицию.
- Пьер прищурился:
- Полиция за такие сведения не платит.
- И вы принесли доказательства?
- Пьер протянул ей папку:
- Вы найдете их здесь. Моя кузина – назову ее так – работает в банке, куда поступают деньги и откуда ваш отец их получает. Как я говорил, ваш отец пользуется подложным именем, но моя кузина узнала его по фотографии в «Тан».
- Где находится банк?
- Все есть в папке. Банк находится в дальнем пригороде, и при других обстоятельствах никто бы не узнал вашего отца. Правительственные чиновники – это, как правило, серые, безликие люди. Опять-таки при других обстоятельствах его лицо не появилось бы в газете, но, поскольку в его министерстве сейчас нет министра, пришлось светиться ему.
- Но зачем моему отцу понадобилась подставная компания? Бессмыслица какая-то!
- У вашего отца есть и другой секрет, о котором вы тоже не знаете.
- Розали уставилась на него, ощущая неприятное чувство в груди.
- Неужели вторая семья?
- Спешу успокоить вашу душу: нет, – засмеялся Пьер. – Он склонен к азартным играм.
- Где?
- В частных тайных клубах.
- А почему бы вам не пойти прямо к моему отцу?
- Пьер скривил губы:
- Потому что он мигом взбрыкнется, а меня, скорее всего, арестуют как шантажиста.
- Вы и есть шантажист.
- Возможно. – Пьер взял серьги и улыбнулся. – Но я не жаден. Этого мне вполне хватит.
- Кто еще знает об этом?
- О банке знает только моя кузина. Но у меня есть помощник, который работает в одном из частных клубов. Каждому из них известна лишь часть правды. Я единственный, кто соединил обе части и сделал выводы.

На следующий день – это было воскресенье – Розали не находила себе места. Ее нервы натянулись до предела. Показывать папку отцу или нет? Если покажет, он разозлится, в том числе и на нее, и будет все отрицать. А если утаить, что тогда? Аппетиты Пьера и его кузины могут возрасти. Шантажист потребует новой дани или даже обратится в полицию. Если разразится скандал, ее семья потеряет все. Отец может попасть в тюрьму. Розали не относилась к отцу с обожанием, но и ненависти к нему не испытывала. Во всяком случае, если она отдаст ему папку, это уберет его от позора и бесчестья.

Обед, как всегда, тянулся долго и уныло. Мать жевала еле-еле. Нервничающая Розали постукивала ногой по полу, за что родители отчитали ее, напомнив о правилах поведения за столом. Едва встав из-за стола, она сбегала к себе в комнату и вернулась с папкой.

– Папа, тебе нужно это посмотреть, – сказала она, протягивая папку отцу.
Тот даже головы не поднял.

– Ты же видишь, я читаю. Положи, потом взгляну.

– Папа, твое чтение обождет. Это важно.

– Не смей так разговаривать с отцом! – взвилась мать. – Что ты себе позволяешь?

– Но маман...

– Хорошо, давай сюда, – сказал отец и взял папку.

Розали с беспокойством следила, как он открыл папку и начал читать. Его лицо побледнело.

– Что это? – спросила мать.

Отец отвернулся. Тогда мать вырвала у него папку.

Розали застыла на месте и затаила дыхание. Отец глядел в пол и тяжело дышал.

В гостиной стало зловеще тихо.

Потом мать встала с дивана. Ее лицо было белым и перекошенным от гнева. Подойдя к Розали, она с силой ударила дочь по лицу:

– Как ты смела?!

Розали вскрикнула и попятилась назад, потирая ударенную щеку.

Отец забрал папку у жены и попытался спрятать, но у него тряслись руки. Прежнего самодовольного выражения лица как не бывало.

– Чушь какая-то! – бросил он. – Как ты могла принести мне эти гнусные бумажки?

– Мне это дали. Я подумала, что тебе необходимо знать.

– Нелепость! – усмехнулся он, однако в его злости ощущалось что-то еще. – И ты всерьез поверила в эту грязную инсинуацию?

– Я... я не знала, чему верить.

– Довольно! И слышать больше не желаю!

Родители как-то странно переглянулись. Розали не сомневалась: мать что-то знает об этом.

– Вероломная маленькая дрянь – вот ты кто! – язвительно бросила ей мать. – Чем раньше ты покинешь наш дом и начнешь жить самостоятельно в реальном мире, тем лучше. Тогда ты быстро убедишься, насколько тяжела жизнь.

Розали в слезах убежала к себе в комнату. Вскоре она услышала, как громко хлопнула входная дверь. Отец покинул квартиру, хотя всегда проводил воскресные дни дома.

Боль в щеке не унималась. Розали сидела у себя в комнате, раздумывая, как ей быть. Снаружи доносился стук материнских каблуков. Мать безостановочно ходила по коридору и прихожей.

Через несколько часов отец вернулся.

Родители о чем-то говорили. Сначала вполголоса, затем все громче. Мать всхлипывала и обвиняла отца. Потом отец хлопнул дверью. Как ни хотелось Розали узнать, в чем дело, она понимала: ей все равно не скажут. Более того, еще и назовут виновной.

Ее глаза были полны слез.

– Это нечестно, – бормотала она. – Моей вины здесь нет.

Она ведь пыталась помочь, она честно хотела предупредить отца. Но она хорошо знала родителей. Этого ей никогда не простят. Мать уже ненавидела ее – позднего, нежданного и нежеланного ребенка, вечно лезущего не в свои дела.

И вдруг она поняла, как ей поступить. То, что могло случиться, все равно случится, а с ней или без нее – значения не имело. Если она останется, ее посадят под замок и выход из домашней тюрьмы будет только один – замужество. Ни на что другое мать не согласится. А если при этом еще разразится семейный скандал? Ясно одно: танцев в ее жизни больше не

будет. И не только. У нее и жизни-то больше не будет. Уехать к Клодетте не получится: сестре и так хватает хлопот с тремя дочерьми.

Будущее пугало, однако Розали гордилась своей независимостью и умением легко приспособливаться. Ей ничего не стоит сняться с места и уехать куда-нибудь.

Пора проверить, так ли это на самом деле.

В родительском доме ее ничто не держало.

Глава 9

ФЛОРАНС

Девоншир, 1944 год

Вернувшись, Флоранс обнаружила, что Джека нет, а дверь его дома заперта. Она оставила чемодан на крыльце и отправилась на ферму, спросить у Глэдис, не знает ли та, когда он вернется. Едва Глэдис открыла обшарпанную голубую дверь, Флоранс заморгала, ошеломленная увиденным. В большой квадратной кухне с низким потолком и закопченными балками пахло беконом и кошками. Повсюду глаз наткался на хаотичное скопление старых газет и журналов, кружки, чашки, стаканы и электробытовые приборы. Кошек было три. Большая серая, с огромными круглыми желтыми глазами, величественно поглядывала на Флоранс со стола, покрытого оранжево-белой клетчатой клеенкой. Полосатая спала на виндзорском стуле, а черно-белая – одноухая и не такая крупная – устроилась в супнице, которая стояла на комоду между кастрюлей-скороваркой и сковородой.

Но главное – в кухне она увидела стоящего у плиты Джека. Сердце Флоранс радостно забило. Оба немало удивились, увидев друг друга в этом месте. На мгновение лицо Джека просияло, однако тут же вновь стало сумрачным. Почему? Неужели он не рад ее появлению?

– Ты вернулся, – сказала Флоранс.

– Я еще и не уезжал. Отправляюсь завтра, рано утром.

Глэдис захлопотала вокруг Флоранс, сказав, что та выглядит бледной и нездоровой, после чего выпроводила Флоранс и Джека в гостиную, принеся туда горячий чай и сэндвичи с мясным экстрактом. Здесь тоже царил беспорядок и пахло кошками, хотя и слабее. Прихлебывая чай, Флоранс рассказала Джеку о материнской холодности и полном безразличии к их жизни во Франции. Она запинаясь на каждом слове, боясь расплакаться, когда рассказывала о вспышке гнева Клодетты.

Джек молча выслушал ее, а затем кивнул.

– Прости, что невольно втягиваю тебя в эту историю, – добавила Флоранс. – Я...

– Все нормально, Флоранс. Тебе нужно было выговориться. Я тебя понимаю.

– Джек, я должна найти работу и какое-то жилье, чтобы обосноваться в Англии. Кроме продовольственной книжки, которую ты мне оформил, у меня ничего нет.

– Тебе вполне хватит паспорта и сопроводительных бумаг, которые я раздобыл для тебя в Испании. Они в достаточной мере удостоверяют твою личность и годятся как для устройства на работу, так и для найма жилья.

– Ты уверен?

– Английское посольство в Мадриде всюду пользуется фальшивыми медицинскими свидетельствами, вырывая из лап Франко «больных» английских узников. Их снабжают фальшивыми паспортами, с которыми они добиваются до Гибралтара. Так было и с тобой. А из Гибралтара – домой, в Англию. Нам с тобой помог английский дипломат Джон Лайонс. Оказалось, мы с ним учились в одной школе. Одноклассники порой бывают полезны, – улыбнулся Джек и продолжил: – Я еще не все сказал. Твоя бабушка по отцовской линии была англичанкой, отец – наполовину англичанин. Сохранились данные о его работе в Министерстве внутренних дел и о том, что ты долго жила в Ричмонде. Все это поможет тебе вполне законно поселиться в Англии, если такова твоя конечная цель. Возможно, все окажется даже проще.

– У меня от сердца отлегло, – призналась Флоранс.

– А пока можешь считать Мидоубрук своим домом. Большую часть времени я буду отсутствовать, так что чувствуй себя полновластной хозяйкой. И не надо особо торопиться с поиском работы.

Флоранс надеялась, что втайне Джек рад ее видеть, как и она его.

С тех пор прошло более двух недель. Флоранс освоилась в доме. Джека не было. Она до сих пор не знала, куда он уезжает и чем занимается. Скорее всего, он по-прежнему находился под крылом УСО и работал в каком-то правительственном учреждении. Перед отъездом он вскользь упомянул, что участвует в различных заседаниях и они связаны с его прежней профессией архитектора. Но напряженность в голосе подсказывала Флоранс: это не совсем так или совсем не так. Она сомневалась, что Джека могут вновь отправить во Францию. Раненая рука еще давала себя знать, отзываясь болью на каждое усилие. Наверное, он сейчас занимался обучением новобранцев или чем-нибудь подобным.

Флоранс это не касалось.

Она привыкла к гулу военных самолетов и больше не задирала голову, когда они пролетали. В данный момент она занималась одним из своих любимых дел – пекла кекс. Достать нужное количество сахара было нелегко, но ей повезло. В полуразвалившейся теплице она обнаружила лимонное деревце с плодами, а в баре – полбутылки сладкого шерри. Из записки, присланной Джеком, она знала: если все пойдет так, как он рассчитывал, то завтра он вернется. Ей захотелось побаловать его вкусеньким. Благодаря лимону, кусочку сливочного масла и шерри ей удалось испечь кекс, от которого текли слюнки. Кто откажется от такого лакомства?

Флоранс вспомнила последний разговор с Джеком, состоявшийся после ее возвращения от матери и накануне его отъезда.

– Клодетта дала мне необычное поручение и потребовала выполнить. Как бы странно это ни звучало, она хочет, чтобы я разыскала ее сестру Розали, сбежавшую из Парижа двадцать лет назад. С тех пор эту Розали никто не видел.

– И куда отправилась твоя тетя?

– У маман в шкапулке хранятся два предмета, присланные ей Розали: четки с прикрепленным к ним мальтийским крестом. Поэтому она считает, что сестра поехала туда. В записке нет ни слова о ее местонахождении. Только просьба о помощи. Но все это мать получила еще давно. Возможно, Розали уже нет в живых.

– Сейчас не может быть и речи о путешествии на Мальту, – сказал Джек.

– Конечно. Какие поездки во время войны? Но я даже не представляю, откуда бы начала поиски.

– И почему мать обратилась к тебе с такой просьбой именно сейчас?

Флоранс покачала головой. Какой бы ни была причина, ее меньше всего тянуло в новое путешествие. Материнская просьба вызывала неприятное чувство. Хватит с нее других секретов. Если она отправится на поиски Розали, еще неизвестно, что она обнаружит. А ведь она до сих пор не сжилась с недавними событиями и с тем, кто она теперь. Встреча со своим настоящим отцом неузнаваемо изменила картину прошлого Флоранс.

Она вздохнула и отвернулась от кекса, остывавшего на проволочной сетке. Большинство продуктов отпускалось сейчас по карточкам: сливочное масло, бекон, сыр, сахар и так далее, что делало кекс редким лакомством. Легче удавалось доставать овощи и фрукты. Хорошо еще, что рядом ферма Ронни и Глэдис. А вот и она, легка на помине. Флоранс услышала шаги соседки, подходящей к дому.

– Ау-у! – крикнула Глэдис. – Есть кто дома? – спросила она, открывая дверь.

– Здравствуйте. Входите.

– Как у тебя чудесно пахнет. Гляжу, печь ты умеешь. Повезло Джеку.

Естественно, вместе с Глэдис явился и ее селезень.

– Смотри, что я тебе сегодня принесла, – сказала Глэдис, снимая полосатое полотенце с корзины.

В корзине лежали шесть крупных коричневых яиц, сбитое Глэдис масло и несколько ломтей бекона домашнего изготовления.

– Мне неловко принимать это угощение. Вы же совсем недавно приносили нам овощи.
– Брось! Джеки мне как родной, – сказала Глэдис, и ее темные глаза сверкнули. – Герой войны. Не допущу, чтобы он голодал.

– Вы очень добры.

– Будет тебе. Свои овощи у тебя появятся только весной. Но в остальном можешь рассчитывать на нас.

– Вы должны принять от нас деньги.

– Там посмотрим.

Вернувшись после стычки с матерью, Флоранс вскопала участок сада, где посеяла капусту, шпинат, лук, редиску, репу и кормовые бобы. Весной все это даст неплохой урожай. Она не раздумывала над тем, будет ли по-прежнему жить здесь и выдержат ли ее посадки зиму. Думать о возвращении к Клодетте ей вообще не хотелось.

Пока Глэдис говорила о погоде и том, что Джеку не мешало бы обзавестись курами-несушками, Флоранс взялась подметать пол. Сад, кухня и Джек, для которого требовалось готовить еду, – все это напоминало ей о Франции и помогало приспособливаться к новой жизни.

– Я снова написала сестрам, – сказала она Глэдис.

– А они тебе пишут?

– Пока нет, – покачала головой Флоранс.

Сестрам она писала, что временно будет жить у Джека, поскольку он редко бывает дома. В общем-то, правда, хотя ее снедало чувство вины. Она знала, что Элен будет в каждом письме искать упоминание о Джеке.

Хлопнувшая входная дверь заставила Флоранс и Глэдис поднять голову.

– Должно быть, Джек вернулся днем раньше, – улыбнулась Флоранс, торопливо вытирая руки о цветастый фартук и поправляя волосы.

Все эти две недели ей было одиноко без Джека. Раньше ее всегда окружали сестры. Она почти не оставалась одна, а потому и не боялась одиночества. Это касалось не только внешних страхов, вызванных непонятными звуками по ночам, но и необъяснимого страха, прячущегося внутри. Флоранс постаралась не выказывать тревоги по поводу отъезда Джека, сознавая, что ему не понравится женщина, устраивающая сцены по пустякам. Но она ужасно скучала по нему и втайне считала дни до его возвращения.

Флоранс открыла дверь в прихожую, собираясь поздороваться с Джеком, но перед ней оказался не Джек. Она удивленно заморгала, увидев высокую холеную блондинку в безупречно сшитом голубом костюме. Покрой не отличался замысловатостью: плечики, зауженная талия, юбка чуть ниже колена. Так сейчас одевалось большинство женщин. Но эта блондинка выглядела гораздо элегантнее. Чувствовалось, ее костюм сшит из более дорогой ткани. Флоранс давно не видела женщин, которые держались бы так уверенно. Незнакомка поигрывала связкой ключей, а у ее ног стоял чемодан.

Окружающий мир застыл, а потом внезапно, раньше чем Флоранс сумела что-то понять, закружился слишком быстро.

– Ого! – Женщина вскинула тонко подведенные брови. – Не знала, что Джонни нанял экономку. Или ты просто уборщица?

– Джонни? – переспросила Флоранс.

– Джонатан Джексон. Это его дом. А ты кто?

– Флоранс. Я здесь остановилась. Я думала, дом принадлежит Джеку.

– Я же тебе только что сказала, – засмеялась женщина. – Некоторые называют его Джеки.

Но не я.

– Кто вы? – спросила Флоранс, чувствуя, что неожиданный визит угрожает омрачить ей день.

– Не кто иная, как Белинда Джексон, его жена.

Обе застыли. Флоранс ошеломленно смотрела на Белинду, не находя слов. Джек не был женат, он бы сказал. Неужели эта женщина с точеными скулами говорит правду? Услышанное повергло Флоранс в шок, сменившийся отвратительным чувством, что ее предали. Она посмотрела на Белинду. Почему она должна верить этой блондинке?

Белинда по-прежнему стояла в прихожей. Судя по лицу, она испытывала все большее нетерпение.

– Боже, у меня в горле пересохло!

– Если хотите, налью вам чая. Недавно заваривала, – предложила Флоранс.

– Дорогая, мне нужно чего-нибудь гораздо крепче чая, – засмеялась Белинда. – Не беспокойся, я сама. Я знаю, где здесь хранится выпивка.

В этот момент Глэдис высунула голову из кухни.

– Вот уж не ожидала снова тебя увидеть, – угрюмо произнесла фермерша. – Джеки знал, что ты приедешь?

Белинда наградила Глэдис презрительным взглядом.

– Разве тебя это касается, дорогая? – спросила она, язвительно подчеркнув слово «дорогая».

Глэдис вспыхнула, но промолчала.

– Пойду занесу чемодан в гостевую комнату, – сказала Белинда.

– Но там живу я! – возмущенно заявила Флоранс.

– Так ты не делишь с ним постель? – удивилась Белинда. – Когда ты сказала, что не являешься уборщицей, я подумала: значит, одна из недавних шлюшек Джонни. Так он тебя еще не окучил? Забавно. В таких делах он всегда действовал очень быстро.

– Джек переправил меня через Пиренеи и спас от нацистов.

– О, конечно! – с нескрываемым сарказмом ответила Белинда. – А теперь будь умницей и перенеси свои вещи в кладовку. Я намерена вздремнуть с дороги. Глэдис, чистые простыни на прежнем месте?

Глэдис не ответила. Белинда подхватила чемодан и с высоко поднятой головой двинулась по лестнице.

Флоранс слушала скрип старинных половиц под высокими каблуками Белинды. Глэдис стояла, уперев руки в бока и надув щеки.

– Маленькая мерзкая дрянь! – выдохнула фермерша. – Не волнуйся, Джеки поговорит с ней.

Они вернулись в кухню. Флоранс двигалась, словно автомат. Пропасть между желаемым ходом событий и реальностью стремительно увеличивалась.

– Девочка моя, да ты совсем бледная! – встревожилась Глэдис. – Присядь, а я налью тебе чайку покрепче.

Флоранс не понадобилось долго уговаривать. Она плюхнулась на стул. Ею овладело чувство нереальности происходящего. Казалось, она появилась в этом мире из какого-то другого и теперь усердно старалась подражать здешним людям. Старалась быть как они. Но у нее не получалось. Вернее, получалось только рядом с Джеком. Тогда мир становился реальным. Крепким. Таким, каким должен быть. И вдруг, откуда ни возьмись, появляется его жена – и мир разлетается вдребезги. Как Джек мог жениться на этой отвратительной, эгоцентричной женщине?

– Значит, Джеки не говорил тебе про Белинду? – спросила Глэдис, с сочувствием глядя на Флоранс, и та отрешенно покачала головой. – На то была своя причина, – добавила Глэдис и понимающе кивнула.

– Вам не нравится эта женщина?

– После того, что она сделала... нет.

– А что она сделала? – угрюмо спросила Флоранс.

– Об этом пусть Джеки тебе сам расскажет. Так-то оно будет лучше.

Глава 10

Появление Белинды нарушило размеренную жизнь Флоранс. Ночь прошла отвратительно. Флоранс поднялась рано, решив заняться домашними делами и тем самым отвлечься от тягостных мыслей. Она подмела и вымыла полы, вытерла пыль, навела блеск везде, где только можно, вытрясла ковры и взбила подушки. Ей было не избавиться от потребности заботиться о других, хотя она и начинала подозревать, что Джек не заслуживает ее заботы.

В ее мысли вклинился свисток закипающего чайника. Флоранс поспешила на кухню, где в шкафчике у плиты стояла жестяная коробка с чаем.

– А ты, смотрю, трудолюбивая пчелка.

Холодный тон Белинды заставил Флоранс напрячься. Интересно, она намеренно приехала накануне возвращения Джека или это просто совпадение?

– Доброе утро, – заставив себя улыбнуться, произнесла Флоранс.

– Что, дорогуша, метишь на мое место? – Белинда обвела рукой кухню. – Потом ты начнешь штопать ему носки. Но попомни мое слово: он этого даже не заметит. Кажется, у тебя чай горячий? У меня в горле пересохло.

– Я еще заварить не успела, – ответила Флоранс, открывая шкафчик.

– А что у тебя готовится? Блины, каша, копченая селедка или старая добрая яичница с беконом?

– Я собиралась сделать тосты с джемом, который Глэдис сварила из диких яблок. У нее туго с сахаром, поэтому джем жидковатый, но вкусный. Хотите попробовать?

– Спасибо. Пожалуй, да. Должно быть, на меня деревенский воздух действует. В Лондоне я никогда не завтракаю.

Флоранс нарезала ломтики хлеба и поджарила в духовке «Аги», после чего намазала их джемом и разлила по чашкам чай.

Завтракали молча. Флоранс нервно постукивала ногой по полу. Ей отчаянно хотелось броситься в кладовку и переодеться во что-нибудь более подобающее. Рядом с Белиндой она чувствовала себя девочкой-подростком. Она уже знала, какое платье наденет. То, серо-зеленого цвета, который прекрасно гармонировал с ее серо-голубыми глазами и светлыми волосами. Глэдис отдала ей старомодное платье большего размера, из тонкой ткани с узором пейсли сиреневого и розового оттенков. Флоранс переделала его по фигуре. Теперь корсаж плотно облегал талию, а юбка была солнце-клевш и, стоило Флоранс закружиться, взлетала. Флоранс пришила боковые карманы, сменила пуговицы на белые, добавила пояс с пряжкой и осталась довольна своей работой. Она любила делать что-то руками и постоянно думала, как преобразить жилище Джека, начав с покраски гостиной. Планов было предостаточно... Вот именно было. Ее дальнейшее нахождение здесь оказалось под большим вопросом. Душный материнский дом вдруг сделался манящим. Она вздохнула.

Белинда достала пачку «Кенситас», вынула сигарету с фильтром и закурила от дорогой зажигалки, украшенной гравировкой.

– Золотая? – не удержавшись, спросила Флоранс.

– Да. Подарок Джека. – Белинда протянула ей зажигалку. – Забыла угостить тебя сигаретой.

Флоранс посмотрела на кремово-красную пачку сигарет, оставленную Белиндой, затем прочла гравированную надпись на зажигалке: «Моей дорогой Белинде».

– Спасибо, я не курю, – сказала она и в подтверждение своих слов кашлянула.

– Конечно. – Белинда разогнала дым рукой и прищурилась. – А скажи-ка, чем такая наивная девица, как ты, намеревается очаровать великого Джонатана Джексона?

Флоранс сглотнула и потянулась за тостом. Как бы она ни пыталась скрыть, вопрос вогнал ее в краску, и Белинда это видела. Белинда – образец элегантности – вообще видела ее насквозь.

– Понимаю тебя. В обаянии ему не откажешь. Особенно когда он рассказывает про свои подвиги. Но важно не то, что на поверхности, а то, что скрыто внутри. Согласна?

Флоранс закусила щеку изнутри.

– Поговорили – и будет. – Белинда встала. – С твоего позволения, удалюсь в здешнюю старинную ванную. Кишечник заявляет о себе.

После ее ухода Флоранс шумно поставила чашку на блюдце. Какая женщина скрывалась под лощеным обликом Белинды? Или она и внутри такая же?

Флоранс прошла в гостиную и выглянула на дорогу. Она не знала, хочется ей видеть Джека или встреча с ним ее пугает. Она стояла, прислонившись к стенке оконной ниши. «Эти стены могли бы рассказать немало историй», – думала Флоранс. Она любила хорошие истории и читала любые романы, попадавшие под руку. У бабушки Джека было их собрано немало. Флоранс выбрала «Неуютную ферму», юмористический роман английской писательницы Стеллы Гиббонс. Ей сейчас требовалось взбодриться порцией смеха.

После завтрака с Белиндой Флоранс так и подмывало выбросить кекс в мусорное ведро, но рука не поднималась столь жестоко обойтись с едой. Может, у Джека есть какое-то вразумительное объяснение. Но какое? Разум уцепился за эту мысль. Флоранс достала красивые тарелки и нож для нарезания кекса. Ведь Джек мог вернуться, пока она гуляет. Она надела резиновые сапоги и вышла из дому, поглядывая на скопления плотных облаков. Середина каждого облака была темной, но верхние края серебрились, а в редких просветах виднелось бледно-голубое небо. Ждать дождя или ветер разгонит тучи? Флоранс понадеялась, что ненастная погода отступит. Забыв, что на ней ее лучшее платье, она решила уйти как можно дальше.

Вместо прогулки по равнинному заливному лугу и холму, начинавшемуся за лугом, она открыла заднюю калитку и поднялась на другой холм, по крутым склонам которого бродили овцы. Достигнув вершины, Флоранс остановилась передохнуть. Она смотрела на дом Джека, притулившийся между холмами и перелесками, в чьей зелени пестрели красные и золотистые оттенки. Небо потемнело, а облака опустились совсем низко. Казалось, до них можно дотянуться. Благоразумие требовало вернуться, но присутствие Белинды не вызывало желания идти домой. Надеясь, что если дождь и пойдет, то не сейчас, Флоранс решила идти дальше.

Вокруг простирались волнистые холмы и долины Девоншира. По долинам змеились тропинки, плотные живые изгороди разграничивали участки лугов, сменяющихся дубовыми рощами и полосами смешанного леса. Флоранс выбрала направление, спустилась по противоположному склону и двинулась по дорожке, окаймленной кустами ежевики. Дорожка уходила вдаль, скрываясь за деревьями. Единственными звуками были шум усилившегося ветра и шелест пожелтевшей листвы.

Погруженная в свои мысли, Флоранс долго брела по дорожке, а когда решила повернуть назад, сверху упали первые капли дождя. «Подумаешь, моросит», – успокоила она себя. Конечно, теплая сентябрьская погода не могла продолжаться до бесконечности. Как-никак уже начало октября. Казалось, природа закрыла занавес и солнечные деньки остались по другую его сторону.

– Вот и осень наступила, – вслух произнесла Флоранс, и деревья громко зашелестели, соглашаясь с ней.

Через полчаса дождь уже лил как из ведра, отчего Флоранс едва видела дорожку. После затяжной сухой погоды почва быстро напиталась водой и сделалась скользкой. В воздухе терпко запахло землей, жадно глотающей влагу вместе с подзасохшими кустами. Обычно Флоранс нравилось гулять под дождем. Ее охватывало внутреннее спокойствие и чувство гармонии с природой. Прежде она верила в дождевых фей и водных духов. То время безвозвратно про-

шло, но она тосковала по наивной девочке, какой была когда-то, и скорбела по утрате светлого детского мира, уничтоженного столь жестоко.

Одежда Флоранс, явно не рассчитанная на дождь, быстро промокла. Намокли и волосы. Вода струйками лилась за шиворот, а потемневшее платье липло к ногам. Она мысленно отчитала себя за то, что ушла без макинтоша или зонта, хотя ветер такой силы вывернул бы зонт за считанные секунды.

Добравшись до вершины холма, Флоранс глянула вниз, надеясь вновь увидеть дом Джека, однако стена дождя полностью закрывала обзор. Может, она заблудилась? Соблюдая предельную осторожность, Флоранс двинулась вниз. Как она ни старалась, ноги разъезжались на мокрой траве. В одном месте она поскользнулась и только чудом не потеряла равновесия. Флоранс удвоила осторожность, однако склон изобиловал кочками и выбоинами. Ее нога попала в незамеченную ямку, и Флоранс упала ничком. У нее перехватило дыхание. Она лежала, чувствуя подступающие слезы, затем поднялась на ноги и оглядела себя. Красивое платье было заляпано грязью и зелеными пятнами от раскисшей травы. Флоранс отвела со лба мокрые волосы. С тех пор как приехала Белинда, все пошло наперекосяк. Все. Флоранс с такой радостью пекла кекс для Джека, мечтая о скорой встрече с ним. Сейчас она лишь надеялась, что успеет до его приезда вымыться и выстирать платье.

Подойдя к дому, она убедилась, что не успеет. Лайонел, отец Джека, натянув плащ на голову, собирался сесть в машину. Что-то заставило его оглянуться, и он увидел Флоранс во всем ее неприглядном виде.

– Девочка моя дорогая, что с тобой?

– Поскользнулась на склоне, – пожав плечами, ответила она.

– А почему же ты вышла без плаща?

– Не думала, что дождь начнется так быстро и окажется таким сильным.

– Осенние дожди на это способны.

– Надо понимать, вы привезли Джека?

– Да, десять минут назад.

– Вы знаете, что здесь его жена?

– Увы, да. Постарайся не тревожиться насчет Белинды. Не думаю... в общем, надеюсь, она не настолько опасна. Она не была... Впрочем, пусть Джек сам тебе расскажет.

– То же говорила и Глэдис.

– Она права. Рад был снова тебя увидеть, Флоранс.

Оставаться под дождем было бессмысленно. Флоранс глубоко вдохнула и шумно выдохнула, после чего побрела к задней двери. Поднявшись на крыльцо, она оперлась рукой о стену, сбросила сапоги, оставив их там, где упали, после чего толкнула дверь. Джек стоял спиной к плите. Вид у него был напряженный. Белинда потягивала шерри и пускала колечки дыма, уплывавшие к потолку. Обстановка была удручающей.

– Привет, – произнесла Флоранс, сознавая, в каком неприглядном виде явилась. – Добро пожаловать домой.

– Спасибо, – натянуто улыбнувшись, ответил Джек.

Флоранс ощутила громадное расстояние между ними. Это совсем не напоминало теплую встречу, на которую она надеялась.

– Итак... – немного заплетающимся языком произнесла Белинда.

Сколько же шерри успела выпить эта женщина? Вчера у нее на глазах Белинда почти на треть опустошила бутылку «Лафройга», любимого виски Джека.

Джек молчал. Флоранс подошла к двери, намереваясь выйти в коридор. Ей не хотелось показывать собственную подавленность.

– Мне надо переодеться.

– И что ты собираешься делать? – снова вклинилась в разговор Белинда.

– Я уже говорил тебе, – вздохнул Джек.

– Пусть ты и установил закон, но мой юрист утверждает, что у меня есть право.

– Белинда, ради бога, уймись! У тебя есть лондонская квартира. Ты всегда ненавидела этот дом.

– Не стану вам мешать! – выпалила Флоранс и выскочила из кухни.

Уже на лестнице она услышала звук, напоминающий удар тарелки о стену. Следом донесся сердитый крик Джека.

– Черт и трижды черт! – пробормотала Флоранс. – Если она угробила мой кекс, я готова ее прибить.

Глава 11

Флоранс сидела в кладовке на неудобной раскладушке и сердито смотрела сквозь залитое дождем стекло на холм, где совсем недавно растянулась. Эта жуткая раскладушка стояла у самого подоконника, отчего колени упирались в него. Досада, испытываемая Флоранс, вызвала желание отколотить Белинду, но вместо этого она лупила по подушке. Джек поступил с ней нечестно. Он должен был рассказать о жене. Флоранс задевало, что он утаил существование этой чертовой Белинды, причем не только от нее, но и от Элен. Та ничего не знала.

В дверь тихо постучали. Флоранс не отозвалась. Через несколько мгновений дверь распахнулась. Вошел Джек. Сесть рядом с Флоранс он не мог – не хватало места. Пришлось стоять. Она продолжала смотреть в окно, но уже не воспринимала увиденное. Только слышала, как быстро бьется сердце.

– Я очень сожалею, что так вышло, – хрипло произнес Джек.

– Ты о чем?

– Об этой чертовой сумятице.

– Ты имеешь в виду кекс? – со всей надменностью, на какую была способна, спросила Флоранс.

Она слышала, что Джек едва не рассмеялся, но сумел удержаться.

– Да, кекс. И вообще...

– Лучше расскажи мне.

– О Белинде?

Флоранс повернулась к нему и, не желая сдерживать гнев, ответила:

– Разумеется, о Белинде, черт бы ее побрал! А ты думал, я спрашиваю тебя о стоимости сосисок?

– Мы не покупаем сосиски. Их нам приносит Глэдис.

Флоранс вскочила на ноги.

– Не смешно, Джек! – со злостью и досадой крикнула она.

– Прости.

– Поздно.

Оба замолчали. Флоранс шумно дышала, а в ее голове, перебивая друг друга, звучали голоса Джека, Белинды, Элен и ее собственный.

– Послушай, мы не можем говорить в этой душегубке. Идем прогуляться. Обещаю рассказать тебе все.

– Там дождь, – буркнула Флоранс.

– Он слегка моросит. Пойдем.

– Ладно, пойдем. Но сначала я переоденусь и хотя бы немного высушу волосы.

Прежде, когда она спала в гостевой комнате, тишина казалась ей мягким одеялом, защищавшим от любого вторжения. Мысль о том, что Джек всего в нескольких шагах, успокаивала. Теперь все ощущалось по-иному.

Чтобы не вымокнуть, идя по высокой траве к заливному лугу, они выбрали другое направление, двинувшись по усеянной желудями дорожке. Оба молчали, и молчание становилось тягостным. «Пока я на него не смотрю, я в безопасности», – мысленно твердила себе Флоранс, предоставляя начало разговора Джеку. В конце концов, ее не касалось, сколько у него жен – одна или пять в разных местах. Они с Джеком всего лишь друзья, и он ей ничего не должен, хотя ее сердце и болело от невыразимого ущерба, нанесенного вторжением Белинды в их мирную жизнь.

– Мы с Белиндой поженились совсем молодыми, – наконец нарушил молчание Джек. – Бурный роман. Мы даже не успели узнать характер друг друга. Конечно, любой брак не без изъянов, и в нашем они начали проявляться очень рано.

Джек замолчал. Ветер шелестел в листве. Звук был пронзительно грустным: одиноким, опустошенным, похожим на состояние Флоранс.

– Продолжай, – сказала она.

– Оглядываясь назад, должен признать, что от семейных неурядиц я с головой ушел в работу. Все больше времени проводил здесь и в других частях страны, а когда началась война, то и во Франции. Пропать между нами становилась все шире, и каждый справлялся с этим по-своему. Белинда предпочла остаться в Лондоне, ведя богемную жизнь с великосветскими подругами и своим любовником Гектором.

– Она тебе изменяла?

– Да.

– Мне она показалась очень желчной.

– Так оно и есть. И ущербности хватает. Это у нас обоих.

– Из-за распадающегося брака?

Джек молча покачал головой, словно не знал ответа на этот вопрос, и пошел дальше.

Спустившись с холма, они двинулись по раскисшей дорожке, тянущейся сквозь перелески.

– Во Франции ты не казался ущербным, – тихо сказала Флоранс.

– Там было намного легче. Я имел задание, которое надо выполнять. И там я мог себе позволить быть другим человеком.

– Это мне понятно. Но потом, когда мы приехали в Мидоубрук? Почему ты не сказал, что женат?

– Не знаю. Надо было сказать.

– И что теперь?

– Мы находились в процессе развода. И вдруг она заявляет о правах на часть моего дома. Мы ведь договаривались: дом останется за мной, а за ней – лондонская квартира. Квартира находится в Челси и стоит гораздо дороже этого дома. Он перешел ко мне после бабушкиной смерти. На лондонскую квартиру я не претендую.

– Тогда почему она передумала?

– Понятия не имею, – пожал плечами Джек. – Это в характере Белинды. Решила осложнить мне жизнь.

– Может, она не готова отпустить?

– Что?

– Не что, а кого. Тебя.

– Наверное. Столкнувшись с тобой, она сделалась еще упрямее. Сомневаюсь, что ей все-речь хочется меня вернуть. Но ей не хочется, чтобы кто-то... Думаю, ты поняла мою мысль. И потом, насколько я знаю, ее отношения с Гектором продолжаются. Теперь она выставила требование: если я не отдам ей половину Мидоубрука, она не согласится на развод.

Флоранс, до сих пор смотревшая под ноги, подняла глаза на Джека. Его лицо было печальным.

– Похоже, я ненароком вторглась в твои отношения с Белиндой. Я вовсе не хотела этого. Я поеду к матери, поживу у нее до конца войны, а потом вернусь во Францию или отправлюсь на Мальту искать Розали.

Джек покачал головой:

– Это неудачная затея. Возможно, твоей тети уже нет в живых. Мальта почти два с половиной года находилась в состоянии осажденной крепости. Ее безостановочно бомбили.

– Почему так долго? Я даже не знала.

– Для англичан это стратегически важный остров. Фашистская Италия и нацистская Германия безостановочно сражались с нашим военно-морским флотом и авиацией, стремясь лишить нас контроля над Мальтой. Сейчас там все лежит в развалинах. Ты не можешь отправиться туда одна.

– Посмотрим, – уклончиво ответила Флоранс.

– Флоранс, я серьезно. Поездка на Мальту – опасная затея. Страны Оси бомбежками и голодом добивались капитуляции острова. Ехать туда просто опасно. А здесь тебе ничего не грозит. Я уже начал привыкать к твоему обществу. Это... – Он вздохнул, не договорив. – Не уезжай. Я заставлю Белинду покинуть дом. Ей здесь не место.

Однако Флоранс чувствовала, что не Белинде, а *ей* здесь не место. Во Франции она присматривала за домом, готовила еду, работала в саду, возилась с курами и козами и, конечно же, заботилась о сестрах. У нее это хорошо получалось. Это был ее вклад в их совместную жизнь. Элен работала медсестрой у деревенского врача, которого все уважали и любили, а Элиза помогала участникам Сопротивления бороться с немецкими оккупантами. Забота о семье явилась для Флоранс спасением и когда... когда с ней случилось самое худшее. Ей до сих пор было трудно произнести это слово вслух.

Приехав в Англию, она не чувствовала, что вернулась домой. И хотя почти все ее детство прошло неподалеку от Лондона, своим настоящим домом она считала Дордонь.

Джек улыбнулся ей, но улыбка была вялой. Флоранс не хватало сил на ответную улыбку.

Так же молча они повернули назад. Флоранс старалась думать не о нем, а о странной просьбе Клодетты. Розали. Флоранс попыталась представить тетю, которую не видела, тетю, сбежавшую из семьи. Флоранс захлестнуло волной сочувствия. Оказаться совсем одной в незнакомом месте, среди чужих. Как Розали справилась со всем этим? Порой Флоранс и сама страдала от одиночества, но знала, что это не навсегда. Ей хотя бы было известно, где находятся ее мать и сестры. Розали целых двадцать лет не подавала вестей о себе. За это время у нее наверняка появился другой дом. Возможно, и своя семья. Но чем она занималась все эти годы, какую жизнь вела? Наконец, если тетя до сих пор жива, где она сейчас? С одной стороны, невозможность отправиться на Мальту радовала Флоранс. Ей не хотелось новых волнений по поводу семейных тайн. И в то же время она подспудно продолжала думать о судьбе Розали.

Глава 12

РОЗАЛИ

Мальта, 1925 год

– Это средиземноморский флот! – воскликнула англичанка Шарлотта Салтер, новая восторженная подруга Розали, и схватила ее за руку. – Это военные английские корабли. Их база в форте Сан-Анджело.

Розали стояла, замороженная зрелищем пляшущих огоньков гавани. Перед ней разворачивался мир, о существовании которого она даже не подозревала.

– Неужели это действительно существует? – прошептала она, глядя на приближающийся остров.

– Впечатляет, не правда ли?

– Не то слово. Дух захватывает. Ты посмотри... – Розали указала на бастионы и башенки форта. – Они светятся под луной.

– Дождись, когда увидишь, как поднимается солнце над парапетами форта Святого Эльма. Если смотреть с воды, то стены кажутся красными и даже огненно-красными, и можно подумать, будто они охвачены огнем. А небо! Оно все в оттенках розового. Если хочешь, возьмем *дайсу*, и я тебе покажу.

– Что такое дайса?

– Так здесь называют небольшие, ярко раскрашенные лодки. Гребец стоит на корме и гребет одним веслом. Плыть на дайсе – одно удовольствие.

Розали улыбнулась словам новой подруги, и все сомнения, что еще оставались у нее, отпали. Она получила ответ на вопрос, который постоянно себе задавала. Она приняла правильное решение и теперь с нетерпением ждала начала новой жизни. Розали не представляла, что Мальта окажется такой сказочно красивой, а главное – ей больше не придется выдерживать родительский гнет со всеми его условностями и правилами.

Пароход бросил якорь лишь поздно вечером, и ночь пришлось провести на борту. Утром, взбудораженная новизной впечатлений и долгожданной свободой, Розали вслед за Шарлоттой спустилась в роскошного вида дайсу, что покачивалась на воде. Лодка чем-то напоминала венецианскую гондолу, но, в отличие от гондол, на каждом борту было нарисовано по глазу. «Это что-то вроде водного такси», – догадалась Розали, увидев, что, помимо их с Шарлоттой, в дайсу сели еще шестеро пассажиров вместе с багажом. Ей досталось место у борта, к которому ее буквально припечатала грузная англичанка, жаловавшаяся на запах рыбы. Розали повернулась лицом к Валлетте, наслаждаясь потрясающим зрелищем массивных стен, крепостных валов и бастионов, поднимавшихся над водой, словно золотистые скалы. Стоящий гребец, ловко управляя дайсу, вскоре причалил к гавани, где они сошли на берег возле лестницы, которая, по словам гребца, вела к зданию таможни.

Вокруг бурлила, гремела и звенела жизнь. Лаяли собаки, фыркали и били копытами лошади, а ослики, стоявшие неподвижно, шевелили ушами, отгоняя назойливых мух. В ноздри Розали ударили запахи рыбы, угля, апельсинов и кошек. Они десятками облепляли места, где сгружали улов. Жара, шум и разнообразие красок вызывали головокружение. Розали не знала, в какую сторону смотреть. Матросы накидывали канаты на причальные тумбы, по сходням двигались грузчики, неся тюки и ящики, к пассажирам спешили носильщики, готовые взять их багаж. До ушей Розали доносились ворчливые голоса рыбаков. Таможенники властно отдавали распоряжения. Тут же крутились тощие, босые, остроглазые ребяташки, кланчащие деньги и пытающиеся стянуть еду. Вздыхнув, Розали отвернулась, сожалея, что ей нечего дать малолетним попрошайкам.

– М-да... – протянула она. – Я думала, здесь тихо.

– Держи карман шире! – засмеялась Шарлотта. – Кстати, где ты будешь жить?

Розали уклонилась от ответа. У нее не было ни договоренности о работе, ни жилья. Шарлотта могла счесть ее безрассудной. Все, что у нее имелось, – газетная вырезка, спрятанная в сумочке. Слова, напечатанные там, она выучила наизусть.

ТРЕБУЮТСЯ ОПЫТНЫЕ ИНОСТРАННЫЕ АРТИСТЫ:
ТАНЦОВЩИЦЫ КАБАРЕ, ПЕВЦЫ И АКРОБАТЫ
ДЛЯ РАБОТЫ НА МАЛЬТЕ,
В САМОМ ЦЕНТРЕ ПРОЦВЕТАЮЩЕЙ ВАЛЛЕТТЫ.
ОБРАЩАТЬСЯ К ДЖАННИ КУРМИ
В КЛУБ «ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА»
НА СТРЕЙТ-СТРИТ.
ПРЕВОСХОДНАЯ ОПЛАТА.

Это объявление попало ей в газете, оставленной в «Баре Джонни» кем-то из посетителей. Розали вырезала его и сохранила на всякий случай. Слова быстро врезались в память задолго до того, как она решила отправиться на Мальту. Валлетта. Название мальтийской столицы звучало очень экзотично. Чувствовалось, сама судьба подстроила так, чтобы газета с объявлением попала на глаза не кому-нибудь, а ей. Конечно, все это произошло намного раньше, чем дела в родительском доме приняли скверный оборот. Розали и сейчас отчетливо видела шокированные лица родителей, словно перенеслась обратно в Париж: отцовское, полное смятения, и материнское, перекошенное яростью и злобой.

Розали захлестнуло тоской по дому, когда она вспомнила, как поздно ночью на цыпочках пробралась в отцовский кабинет, чтобы забрать свой паспорт, украсть некоторую сумму денег, а также взять документ для выезда за границу, хранящийся в незапертом ящике письменного стола. Часть денег она потратила на фальшивый паспорт, чтобы на Мальте жить под другим именем. На это у нее ушел целый день. Розали обратилась за помощью к Клодетте, но сестра отказала, заявив, что Розали должна остаться дома и наладить отношения с родителями. Но Розали знала, чем бы закончились ее попытки. А потому ей не оставалось ничего иного, как похитить у матери более ценные украшения. «Все равно она их не носит», – мысленно оправдывала себя Розали. Затем она продала часть драгоценностей и на красивом Лионском вокзале купила билет на поезд.

Розали торопилась сбежать из дому раньше, чем разразится назревающий скандал. Времени написать Джанни Курми в Валлетту, а тем более дожидаться его ответа, у нее не было. Когда она садилась в поезд, ее сердце наполнял страх перед неизвестностью. Но его перевешивал страх оказаться запертой дома. Теперь ей предстояло действовать непосредственно на месте.

– Адрес у меня в сумочке, – сказала она Шарлотте. – Я возьму такси.

– Как скажешь. А то подожди немного. Арчи обещал, что за мной приедет его шофер. Думаю, он не откажется отвезти и тебя.

Арчи Ламбден был богатым обаятельным женихом Шарлотты. Розали не собиралась рассказывать кому-либо о своем истинном положении, и менее всего человеку уровня Арчи.

– Спасибо, но я не хочу создавать тебе дополнительные хлопоты. Надеюсь, мы увидимся в ближайшее время?

Она улыбнулась Шарлотте. Ее новая подруга тоже была рыжеволосой, но с фарфорово-белой, почти прозрачной кожей. Как-то Шарлотта выдержит на нещадной мальтийской жаре? Впрочем, та не впервые приезжала на Мальту, а значит, умела спастись от жары.

– Обязательно! – подхватила Шарлотта. – Вскоре я устрою пляжную вечеринку, а может, обед. Ты обязательно должна прийти. Мой адрес у тебя есть. Так что заглядывай, и я тебе сообщу точную дату.

Розали кивнула.

– Смотри-ка, конная повозка. Я поехала.

Она чмокнула Шарлотту в щеку, взяла чемодан и поспешила к повозке.

Когда выехали из Великой гавани, извозчик, говоривший по-английски с сильным акцентом, сообщил, что они едут в центр. Розали кивнула, радуясь, что подтянула английский, который учила в школе. В заведении Джонни она практиковалась с официантом-англичанином, расплачиваясь за уроки легким петтингом.

Через какое-то время извозчик остановился:

– Ну вот, приехали. Это и есть Кишка.

Розали нахмурилась:

– Но я же...

– Да. Куда просили, туда и привез. Стрейт-стрит. Мы зовем ее Кишкой.

Сойдя с повозки и увидев длинную, мощенную булыжником улицу, дома на которой загораживали солнце, Розали испытала острое разочарование. В отличие от гавани, здесь царил мертвая тишина. Все ставни на окнах были плотно закрыты, а сами дома казались нежилыми.

– Вы знаете, где находится клуб «Вечерняя звезда»? – спросила она извозчика.

– Это подальше будет. Он сейчас закрыт.

Сердце Розали ушло в пятки. Она вдруг затосковала по кипучей парижской жизни.

– Неподалеку, на углу Олд-Бейкери-стрит, есть хорошее кафе, – сказал извозчик.

– Смотрю, вы много знаете о Валлетте.

– Да я знаю о ней все. Как только захотите экскурсию по городу, стукните в дверь и оставьте жене записочку. – Извозчик полез в карман и протянул ей визитную карточку. – Ну так отвезти вас на Олд-Бейкери-стрит? Перекусите там, а потом дождетесь открытия «Вечерней звезды».

Розали снова села в повозку и через считанные минуты оказалась у двери кафе. Заплатив извозчику, она толкнула стеклянную дверь и вошла. В воздухе стоял сладковатый запах выпечки, отчего у нее сразу потекли слюнки. Внутри было тепло и уютно. Владелец приветствовал ее улыбкой во весь рот. Это был невысокий толстый мужчина средних лет с большими закрученными усами и густыми бровями, серебристые волосы которых торчали в разные стороны.

– Добро пожаловать. Проходите, – сказал он и потрогал усы.

Розали поблагодарила его. Ее настроение повысилось.

– Вам эспрессо или *кафе фит-тацца*? – спросил он, вытирая руки о большой полосатый фартук. – Так у нас называют кофе, завариваемый в чашке. К нему лучше всего взять *каннолу* – сладкую вафлю с начинкой из рикотты – или горячую *пастичцу*.

Розали заказала кофе и пастичцу, не зная, что это такое. Владелец предложил ей устроиться за столиком и немного подождать.

Она заняла столик у окна и стала смотреть на прохожих, идущих мимо высоких зданий на противоположной стороне. Каким должен быть ее следующий шаг?

Вскоре владелец подошел к ней с подносом:

– Вот ваши кофе и пастичца.

Розали взглянула на тарелку, где лежал слоеный пирожок в форме полумесяца:

– А что внутри?

– В этом начинка из сыра, но, если хотите, могу сделать с начинкой из гороха, приправленного карри. Здесь это очень любят.

– Пахнет очень вкусно.

– Вы ведь не англичанка?

– Нет. Француженка. Вы, случайно, не знаете, где можно снять комнату? Я надеюсь устроиться танцовщицей в один из клубов.

Владелец кафе улыбнулся:

– Видели объявление моего зятя? Женат на моей дочери Кармене.

– Да, я действительно видела объявление в газете.

– Он постоянно выискивает иностранных артистов. Скажете ему, что познакомились со мной. У Кармены есть дом на Сент-Джозеф-стрит. Местный вариант меблированных комнат. Название улице дали англичане, когда появились здесь, но мы неизменно зовем ее Улицей французов. Кармена сдаст вам койку. – Владелец нахмурился. – Правда, для молодой леди условия... суровые.

– А почему вы зовете ее Улицей французов?

– Поблизости находится Французский Занавес. Это береговая крепость.

– Спасибо за помощь.

– Всегда готов помочь. Мое имя Никола, но все зовут меня Колой.

Он сказал, сколько нужно заплатить за угощение. Розали достала деньги, затем доела вкусную пасту и допила кофе. Английский фунт имел хождение и на острове. Слава богу, она еще в Париже предусмотрительно обменяла часть франков на фунты.

– А как мне найти Сент-Джозеф-стрит? – спросила Розали, собираясь уйти.

– Это несложно. Пойдете до конца Олд-Бейкери-стрит, свернете направо, затем второй поворот налево. Улица называется Страда Сан-Джузеппе. Она находится в самом конце Стрейт-стрит и идет параллельно, между Фаунтин-стрит и Рипаблик-стрит. Улица невелика, всего четыреста метров. До встречи, – сказал Кола, помахав ей на прощание.

Розали последовала указаниям Колы. На Улице французов ее ждало разочарование. Она надеялась увидеть нечто аналогичное хотя и обшарпанным, но все равно элегантным парижским улицам. Ее встретили грязные шестиэтажные дома, где на деревянных балконах сушилось белье. По мостовой бегали полуодетые босоногие дети. Отвратительно пахло несвежей едой и еще отвратительнее воняло отхожими местами. Такое могло присниться только в страшном сне. Услышав за спиной крик, Розали вовремя отскочила к стене. Мимо пронеслась повозка, запряженная мулом и доверху нагруженная бидонами с керосином. Ею управлял угрюмого вида мужчина.

Может, и Ирен жила в таких же условиях? Если да, ее парижская подруга заслуживала медаль за стойкость и умение выживать. Розали глубоко вздохнула. Ей не доставало Ирен. Но думать о Париже бесполезно и сейчас, и вообще. Но неужели ей придется жить на этой улице? Она снова взглянула на закопченные стены домов и схватилась за сердце, почти физически ощущая тоску по родному городу. Место, куда она попала, разительно отличалось от Шестнадцатого округа. О чем только она думала? Как всегда, приняла импульсивное решение, не беря в расчет возможные последствия. А теперь слишком поздно сожалеть.

Глава 13

Внутри этот дом выглядел ничуть не лучше. По лестнице спускалась невысокая худая женщина, неся ведро, едва не переливающееся через край. В коридоре чем-то пахло, но чем – Розали поняла только потом.

– Я ищу Кармену, – сказала она по-английски.

Женщина с ведром кивнула, указав на приоткрытую дверь. Розали подошла к двери, открыла и увидела другую женщину. Эта была почти квадратных габаритов.

– Вы Кармена?

– От кого будете? – кивнув, спросила толстуха.

– Меня прислал Кола. Мне нужна комната. У вас найдется?

– Ну допустим, – нахмурилась женщина. – Но лучше показать, чем рассказывать.

Розали последовала за Карменой. Они поднялись по лестнице, затем прошли по нескольким коридорам мимо общих спален и гостиных, после чего очутились на другой лестнице. Розали поинтересовалась, где здесь ванные. Оказалось, в этих мебелирашках не было ни туалетов, ни ванн, ни даже кухонь.

– А где люди готовят себе еду?

– У нас есть *кучиньера*, – ответила Кармена.

И Розали сразу же уловила запах керосина, на котором работали плиты и который смешивался с сильным запахом дезинфицирующего средства. Вот чем пахло в вестибюле.

– Развозчик керосина приезжает почти каждый день.

– Видела я его. Мул чуть меня не зашиб.

– Так это, скорее всего, мул Спиру, – засмеялась Кармена. – Норовистая скотина.

Розали оглянулась по сторонам:

– А где здесь стирают белье?

– Кипятят в ведре на примусе.

– И что, отдельных комнат нет? – (Толстуха покачала головой.) – А в других домах по этой улице? – спросила Розали, шокированная отсутствием элементарных удобств.

Кармена пожала плечами:

– Большинство домов – обыкновенные ночлежки для матросов. В каждой комнате по семь-восемь коек. Им что? Упьются вдрызг, а ночевать где-то надо.

– И куда же мне теперь идти?

– У вас работа есть?

– Я танцовщица.

– Я про работу спросила. Есть или нет? – (Розали мотнула головой.) – «Вечерняя звезда» дает артистам жилье. Начните оттуда.

– Клуб закрыт.

– В час дня откроется. Мой муж Джанни придет заниматься бухгалтерскими делами. Он там всем заправляет. И с шишками встречается, и наймом ведает. Скажете, что вас прислала Кармена.

Розали взглянула на часы. Одиннадцать утра.

– Где же мне провести эти два часа?

– Чемодан здесь оставьте. Сходите погулять. Валлетта – красивый город. – (Розали колебалась.) – Я послежу за вашим чемоданом, – усмехнулась Кармена. – Идите.

Розали оставила чемодан у Кармены и двинулась по булыжным улочкам Валлетты, где к стенам жались тощие собаки, а на них с нескрываемым презрением смотрели жирные кошки. «Наверное, тут полным-полно мышей, – подумала она. – Может, и крысы есть. Наверняка есть». Она шла, вслушиваясь в шум и гам Валлетты, и вскоре поняла особенность здешних

улиц. Все они были прямыми; некоторые – очень узкими и крутыми, тогда как основные улицы имели вполне нормальную ширину. Розали свернула на одну из таких улиц и пошла мимо дверей с облупившейся красно-коричневой краской. Улица постоянно опускалась и поднималась, и тогда на тротуаре появлялись крутые ступеньки. Наверное, дома на этой улице считались богатыми. Они были построены из песчаника. Этажи опоясывали ряды деревянных балконов – позднее она узнала, что они называются *галларии*, – выступавшими над улицей и раскрашенными во все мыслимые цвета.

Из переулка выскочил темноглазый мальчуган:

– Леди, я могу показать вам красивые места. – (Розали покачала головой.) – Англичанка?

– Нет, французенка.

– Это лучше, – заявил мальчишка.

– Ты не любишь англичан?

– Моя мать у них работает. А отец их не любит.

– И кем же работает твоя мама?

Маленький провожатый пожал плечами, уклонившись от ответа.

– Покажу вам красивые места, – снова предложил он. – Сады. Прекрасный вид.

Пока шли, он болтал без умолку. Розали чувствовала, что уже привыкает ориентироваться в городе. Это оказалось не так сложно, как она думала, поскольку все улицы образовывали общую решетчатую структуру.

– Сады Верхней Баракки, – горделиво заявил мальчик, доведя ее до места.

Розали дала ему монетку. Он радостно заулыбался и убежал.

Мальчишка оказался прав. Отсюда открывался завораживающий вид на Великую гавань. Воздух был густо напитан ароматами гераней, роз и жасмина. Внизу, словно россыпь самоцветов, сверкало Средиземное море. Ветерок, дувший оттуда, приносил соленый морской запах. Желанная перемена после крепких запахов мочи, конского и человеческого пота и выхлопных газов, донимавших Розали по пути сюда.

Она чувствовала, как из тела – впервые с момента ее бегства – уходит напряжение.

На поезде она проехала всю Швейцарию и добралась до Италии. Вплоть до Генуи Розали не оставлял страх, что ее могут снять с поезда и арестовать за кражу материнских драгоценностей. После Рима путешествие стало менее комфортабельным. Не без трепета она села в поезд, идущий на юг. Вагоны были набиты людьми, курами и даже козами. Орала младенцы, лаяли собаки, женщины без умолку болтали, ухитряясь с невероятной быстротой произносить итальянские слова. Розали пыталась отстраниться от вагонного гвалта, сосредоточиваясь на пейзажах сельской Италии. Она смотрела на жилистых крестьян, гнувших спину на полях, на группки женщин в черном. А поезд грохотал дальше. Паровозный дым проникал даже сквозь закрытые окна, делая воздух в вагоне еще более спертым и отвратительным. Сойдя с поезда, Розали облегченно вздохнула. Паромом она добралась до Сицилии, а оттуда паромом – до Мальты. Никогда еще она не путешествовала на столь далекое расстояние. Но главное – она была свободна.

Любуясь видом на гавань, Розали вдруг почувствовала, как припекает голову. Ей срочно требовалась шляпа. Ранним утром солнце лишь нежно золотило стены барочных зданий, но сейчас оно сделалось ослепительно-белым.

Платье стало влажным от пота. У нее взмокла спина, подмышки и даже веки. Увидев скамейку под тенью раскидистой пинии, Розали поспешила туда. С другой стороны к скамейке подошел молодой человек в соломенной шляпе и голубой рубашке. Остановившись, он слегка поклонился, подождал, пока Розали сядет, после чего опустился рядом.

– Туристка? – повернувшись к ней, спросил молодой человек.

У него были светлые волосы и синие глаза. Судя по ухоженному виду, человек не бедный.

– Нет. Танцовщица, – насмешливо ответила Розали.

– Понятно, – не обращая внимания на ее тон, сказал он и улыбнулся. – А где вы танцуете? «Боже, опять этот вопрос!» – подумала Розали.

– В «Вечерней звезде», – соврала она.

– Вы не англичанка.

– Нет.

– Ваш акцент указывает на француженку.

– А вы говорите по-французски?

– Немного. Но я англичанин. Нам отвратительно даются иностранные языки.

– Это потому, что у англичан чувство превосходства над всеми другими народами.

– Ой, что вы говорите! – притворно поморщился он. – Это не совсем так.

– А что *вы* делаете здесь? – спросила Розали.

– Приехал навестить дядю.

– В таком случае вы турист.

Он наклонил голову и улыбнулся. Розали подумала, что у него прекрасная улыбка и невероятно белые зубы.

– А вот и нет, – возразил англичанин. – В детстве я проводил здесь почти каждое лето.

Так что Мальта – мой второй дом.

– Тогда где первый?

– В старом добром Лондоне.

– Ну а я из Парижа.

– Удивительный город.

– Вы там бывали?

Он снова улыбнулся, и его глаза вспыхнули.

– Да, и не раз. Я люблю Париж. Должно быть, вы по нему скучаете.

Розали пожалала плечами, зная, что может вообще не вернуться в Париж. И опять сердце кольнуло от тоски по дому.

– Я бы мог показать вам остров, – сказал англичанин. – Может, вам стало нехорошо от жары?

– Я в полном порядке, – торопливо ответила она, беря себя в руки.

– Если хотите, могу показать вам Мальту. Естественно, когда вы свободны. Помимо Валлетты, здесь есть удивительный городок Мдина с потрясающими потаенными дворцами. Они очень старые. Стены до сих пор целы, а войти и выйти из такого дворца можно только через единственную дверь. Вам понравится.

Розали не знала, понравятся ли ей старинные дворцы, но молодой человек ей определенно понравился. Подобно многим англичанам, он отличался чрезмерной самоуверенностью, однако у него это было привлекательной чертой характера.

– Роберт Бересфорд, – с улыбкой представился он.

Что-то подсказывало Розали: этот человек сыграет существенную роль в ее жизни. Она тоже улыбнулась и назвалась своим новым именем, которое до сих пор использовала всего раз, когда познакомилась на пароходе с Шарлоттой.

– Рива. – Она повернулась к нему и протянула руку. – Рива Жанвье.

«Прощай, Розали», – подумалось ей.

Глава 14

ФЛОРАНС

Девоншир, 1944 год

Белинда вошла на кухню, где Флоранс готовила ужин, и принялась расхаживать взад-вперед, бормоча себе под нос.

Флоранс подняла голову. Глаза слезились от лука, который она нарезала.

– Что случилось? Вы меня нервируете.

Белинда закусила губу.

Флоранс вздохнула:

– Послушайте, я готовлю еду, мне нужно сосредоточиться, иначе я порежу палец или обожгусь. Если вам есть что сказать, скажите. Если нет, пожалуйста, сядьте.

– Думаешь, тебе известно о Джеке все? – наконец спросила Белинда.

– Разумеется, нет. А с чего вы так решили?

Белинда склонила голову набок и с любопытством посмотрела на Флоранс:

– Значит, во время вашей миленькой прогулочки он рассказал тебе все? – (Флоранс пожала плечами, не желая затевать разговор на эту тему.) – Выходит, он и о Чарли тебе рассказал?

– Кто такой Чарли?

– Так я и думала, – с упреком в голосе заявила Белинда и ушла из кухни.

Флоранс всплеснула руками. Слова Белинды заинтриговали ее. Был в них какой-то смысл или жена Джека попросту хотела вывести ее из равновесия? Флоранс взглянула в окно и увидела фазанов, беспричинно несущихся к холмам. Их проделки всегда забавляли ее, но только не сегодня. Она нарезала лук, выложила на сковородку, а из головы не шел вопрос Белинды о Чарли. Насколько вообще это важно? Если нет, зачем Белинда упомянула об этом Чарли? А может, Чарли – это девушка, одна из прошлых подруг Джека? В таком случае он рассказал бы Флоранс о ней. Но мог и не рассказать. Если он ни словом не обмолвился о жене, какие еще стороны своей жизни он скрывал?

Закончив дела на кухне, Флоранс прошла в гостиную и села у окна, глядя, как заходящее солнце раскрашивает небо в красные и золотистые тона. Джек растапливал камин. Ей было неловко наедине с ним. Белинда теперь ходила по второму этажу, и Флоранс знала: они с Джеком оба прислушиваются к шагам его жены. Вспомнилось, насколько близки они с Джеком были во время странствий по горам. Флоранс тяжело вздохнула. В Англии никто не понимал и даже не хотел знать, через что они прошли. Эта чертова война продолжалась, и у каждого была своя история, связанная с ней.

– Никак не уймется, – проворчал Джек. – Ты успокоилась?

Флоранс кивнула. Чтобы отвлечься, она стала пересчитывать стекла на трехстворчатых окнах гостиной. У каждого было арочное закругление. Окно, выходящее на задний двор, имело двенадцать стекол, фасадное – восемнадцать, а маленькое боковое – всего девять. Флоранс встала и задвинула шторы. Их нижние кромки утяжелялись свинцовыми шариками, что позволяло противостоять сквознякам и сохранять тепло.

Когда она зашторивала последнее окно, в гостиную танцующей походкой вошла Белинда в облегающем черном креповом платье с глубоким вырезом, украшенным одной ниткой жемчуга, и в туфлях на смехотворно высоком каблуке. Белинда держалась с рисовкой, но ее глаза покраснели от слез или от избытка спиртного – Флоранс могла только гадать. Дрожащей рукой Белинда сжимала полный стакан виски. Несмотря на сильную худобу, она тем не менее выглядела очень красивой.

– Белинда, отдай мне стакан и сядь, иначе ты прольешь виски, – сказал Джек и встал.

Белинда уселась в виндзорское кресло у заднего окна и раздвинула шторы:

– Люблю, когда шторы открыты. Люблю смотреть, как надвигается темнота. Дорогой, ты помнишь, что в Лондоне я никогда не зашторивала окна?

– Не говори глупостей, Белинда, – усмехнулся Джек. – В Лондоне действуют требования светомаскировки. Никто тебе не позволит сидеть с освещенными окнами.

Поскольку язык у Белинды не заплетался, Флоранс решила, что причина покрасневших глаз все-таки слезы, а не виски. Она взяла книгу, которую пыталась читать.

– Смотрю, вы тут приятно болтали, но мне, Флоранс, нужно поговорить с Джеком наедине. Будь любезна, оставь нас.

Джек начал возражать, однако Флоранс уже поднялась.

– Хорошо, – сказала она, симулируя безразличие. – У меня есть дела на кухне.

– Как и надлежит образцовой хозяйке, – с язвительной приторностью произнесла Белинда. – Вот уж не думала, Джек, что это в твоём вкусе.

Флоранс вышла из гостиной, закрыв за собой дверь. Одна часть личности Флоранс жалела Белинду, зато другая – дрожала от гнева. Белинда не сказала ей: «Ступай, дорогуша», но Флоранс казалось, что она слышала эти слова.

Но могла ли она упрекать эту женщину?

Белинду Флоранс воспринимала лишь как помеху на пути к ее жизни с Джеком, хотя, если вспомнить Элен, сама она была такой же помехой для старшей сестры. Белинда имела право находиться здесь и пытаться исправить пошатнувшиеся отношения с мужем. Это Флоранс являлась незваной гостьей, а потому она должна оставить супругов разбираться в их отношениях. Она решила завтра же собрать чемодан и уехать, хотя мысль об отъезде приводила ее в отчаяние.

У нее не было ни работы, ни жилья. Придется возвращаться к матери и жить там, пока не подыщет себе работу. Ей не хотелось уезжать, как не хотелось и возвращаться, ничего не узнав о Розали. Но о путешествии на Мальту нужно забыть до окончания войны. Флоранс жаждала поговорить с Элен и Элизой и спросить их совета. Еще лучше было бы оказаться во Франции и увидеть их. Участие сестер всегда помогало в разрешении ее проблем, и она жалела о невозможности поехать к ним.

Утром ее разбудили розовые лучи зари. Флоранс с наслаждением потянулась и тут же вспомнила вчерашнее. Настроение мигом испортилось. Ей нужно уезжать отсюда. У нее саднило в груди. Достав чемодан, она побросала туда свои немногочисленные пожитки. Закончив сборы, Флоранс выглянула в окно. Небо затянули перистые облака. Она знала, что будет скучать по Мидоубруку.

Прежде чем приготовить завтрак, Флоранс отнесла чемодан к входной двери и повесила плащ на спинку стула в прихожей. На кухне она привычно разожгла «Агу», поставила чайник и отрезала два ломтика хлеба, чтобы поджарить.

В дверях появился Джек в полосатой пижаме. Его волосы были всклокочены.

– Я увидел чемодан, – нахмурившись, произнес он. – Ты всерьез решила уехать?

Флоранс стояла к нему спиной, ощущая на лице жар плиты.

– Флоранс, ты не должна уезжать.

– А как я могу остаться? – спросила она, стремительно поворачиваясь к Джеку. – Белинда – твоя жена. А я... никто.

– Не говори так. После всего, что мы с тобой пережили, ты не имеешь права так говорить. Чувствовалось, Джек шокирован ее решением, однако она лишь покачала головой.

– Я поговорил с Белиндой. Мы с ней действительно разводимся. Бракоразводный процесс уже запущен. Здесь она не останется и вернется в Лондон.

– Когда?

– Через несколько дней.

– А ты завтра снова уедешь? – (Он кивнул.) – В таком случае...

Закипающий чайник заставил Флоранс повернуться к плите. Она ополоснула заварочный чайник, бросила заварки и помешала.

– Послушай, – продолжал Джек, – если ты останешься, когда я уеду, уверен, это заставит Белинду покинуть дом. А если уедешь ты, она может застрять здесь надолго.

– Я не могу вставать между вами, – возразила Флоранс, перенесла заварочный чайник на стол.

Она наполнила чашки, добавив молока и немного сахара.

Прежде чем снова заговорить, Джек тяжело вздохнул:

– Флоранс, давай куда-нибудь съездим и там обстоятельно обо всем поговорим.

– Не знаю, о чем еще говорить.

– А мы поищем. Можно прокатиться в Дартмур. У меня есть небольшой запас бензина. Ты ведь там не бывала? – (Флоранс покачала головой.) – Я люблю это место. Там мозги прочищаются. Скажи «да». Ну пожалуйста! Чемодан отнеси в мою комнату.

– В твою комнату? – переспросила она, подумав о его большой железной кровати.

– Да. Заяви о своем присутствии. Я переночую в кладовке.

Флоранс попыталась улыбнуться. На мгновение ей подумалось... впрочем, не важно, о чем ей подумалось. Дом сейчас был полон ощущениями супружеских отношений Джека и Белинды, словно здесь по-прежнему обитали призраки прошлых лет их совместной жизни. Возможно, в Дартмуре у них действительно получится разговор.

Белинда еще спала, когда они уехали.

День выдался холодным. Живые изгороди, усыпанные ягодами, слегка покачивались на легком ветру. Путь в Дартмур пролегал по извилистым проселочным дорогам. Вскоре они заметили небольшой дорожный указатель с надписью «Принстаун». Флоранс уже давно не видела указателей на дорогах. Миновав фермы и перелески, машина вывернула к пустошам. Проехав еще немного, Джек свернул на обочину и заглушил мотор. Флоранс вылезла, огляделась и пошла вслед за Джеком, ощущая неожиданную легкость походки. Заросли папоротника-орляка успели порыжеть и побуреть, а воздух на фоне ярко-синего неба казался мерцающим. От ярких красок осени и просторов веяло спокойной радостью, которая передалась и Флоранс. Она вскинула руки и потянулась к небу.

– Теперь ты понимаешь, почему я предложил сюда поехать, – сказал Джек, наблюдая за ней. – Всякий раз, когда я не знаю, куда повернуть, я еду в Дартмур.

– Куда повернуть с Бе...

Флоранс не договорила. Джек схватил ее за руку:

– Идем, нам надо прогуляться.

И они пошли, хрустя сухим папоротником.

– Здесь полным-полно тайн. – Джек обвел рукой пространство земли и неба. – Каменные круги, мегалиты, остатки средневековых поселений. Удивительное место. Согласна? – (Флоранс кивнула, указав на сооружение, напоминающее каменный крест.) – Их тут полным-полно. Мне нравится думать о людях, которые здесь жили и умирали или проходили по этим местам. Приятно, что с тех доисторических времен в Дартмуре ничего не изменилось. – Он замолчал и вздохнул.

– Ты что? – спросила Флоранс.

– Да так... Просто надеюсь, что мы никогда не утратим наши уголки дикой природы.

– Иногда мне хочется ощутить такую же дикость внутри, – призналась Флоранс. – А тебе?

– Да, – кивнул Джек, – хотя порой это опасно.

– Снаружи? Или внутри?

– Наверное, и там и там. – Джек искоса посмотрел на нее и улыбнулся. – Здесь часто бывают туманы. Они наплывают с такой скоростью, что могут вызвать гибель людей.

– Как?

– Люди сбиваются с пути. Даже если хорошо знать местность, в туман без карты и компаса не обойтись.

Ветер приносил запахи овечьего навоза, влажного торфа и древесного дыма. Но еще острее пахло почти нетронутой природой. Природные энергии захлестывали Флоранс, пульсируя по всему телу. Вздурораженная ими, она резко повернулась, готовая взять Джека за руку, но он успел отойти и теперь стоял, глядя в другую сторону.

Она вновь посмотрела на вересковые пустоши, над которыми светился воздух. Ей совсем не хотелось покидать Девон.

– Летом здесь все покрыто вереском, – сказал Джек, вклинившись в ее мысли. – Повсюду разносится аромат утесника. Это чем-то похоже на смесь кокосового ореха и марципана. Особенно на жаре.

– Я где-то читала про кусты утесника. Люди верили, что в них прячутся ведьмы.

– Только ведьмы и могут выдержать шипы, – засмеялся Джек. – В детстве я специально ходил высматривать ведьм.

– И нашел хотя бы одну?

– А как ты думаешь? – спросил он и улыбнулся.

Оба снова замолчали. Потом Джек посмотрел на часы:

– Как насчет перекусить перед возвращением? В городе есть отель с неплохим рестораном.

Флоранс кивнула, и они пошли к машине. Возле машины, прежде чем открыть дверцу, Джек потупил взгляд, сунул руки в карманы и вдруг спросил:

– Мать тебе писала, пока меня не было?

Флоранс покачала головой.

– Джек, а ты почему-то никогда не говоришь о своей матери.

Он отвел взгляд, затем снова повернулся к Флоранс:

– У меня был брат-близнец. Родился мертвым, отчего мать вечно тряслась надо мной. Кстати, она, как и ты, потрясающе умела печь. Это я помню.

– От чего она умерла?

– От перитонита. – Джек поднял голову к небу. – Вот и облака наползают, – сказал он, меняя тему.

– Прими мои запоздалые соболезнования по поводу твоих матери и брата.

– Все это уже в прошлом... Глэдис говорила, что котята готовы проститься с мамой кошкой. Среди них есть один симпатичный, янтарного цвета. Глэдис наметила его тебе. Обещай, что останешься.

– Джек, а кто такой Чарли? – спросила Флоранс, вспомнив слова Белинды.

Джек осторожно отвел волосы, падавшие ей на глаза. Жест был настолько ласковым и нежным, что у нее защемило сердце.

– Здесь действительно чувствуешь дикую природу, – сказал он, словно не слыша ее вопроса.

«Пожалуй, эта природа даже слишком дикая, – подумала Флоранс. – Особенно под свинцовым зимним небом».

– Я приезжаю сюда насладиться безмолвием верещатников. И прочувствовать, что жизнь гораздо многообразнее, чем мы позволяем себе признать.

Флоранс кивнула. Они надолго замолчали. Рядом с Джеком вспорхнула какая-то птица. Дрозд, наверное. Пролетев немного, птица опустилась на куст боярышника. Флоранс стояла не шевелясь и ждала, когда Джек ответит на ее вопрос. Над головой пронеслась большая стая птиц с золотисто-черным крапчатым оперением и опустилась на землю поодаль.

– Золотистые ржанки, – тихо, словно для себя, сказал Джек. – Сейчас они перебираются к низменностям.

Он медленно повернулся к Флоранс. Время тоже замедлилось. Флоранс заметила, что морщинки вокруг его глаз стали глубже.

– Чарли был моим сыном, – наконец произнес он. – Моим малышом.

Его лицо было невыразимо печальным, отчего у Флоранс перехватило дыхание. На ум пришли картины, изображавшие Мадонну с Младенцем. Но отцов художники никогда не изображали. Горе, которое Джек носил в себе, сейчас выплеснулось наружу.

– Узнав, что Белинда беременна, мы с ней добросовестно попытались наладить отношения. – Джек взглянул на небо, затем снова на Флоранс. – Пойми, я бы с готовностью отдал жизнь за своего малыша. Но... он отдал свою.

Флоранс осторожно вдохнула, боясь услышать, почему не стало его сына.

Джек медленно побрел в сторону от машины. Когда он заговорил, его голос звучал отрешенно:

– Я находился на задании. Белинда оставалась в Лондоне, налегая на сигареты и выпивку. В один из вечеров сентября сорокового года у Белинды закончились сигареты. Город уже бомбили. Посчитав, что наступило затишье, она решила пополнить запас и отправилась к Гектору, который жил поблизости. Их отношения возобновились. Чарли уже спал. Она оставила его одного и ушла. Белинда клялась, что отсутствовала совсем недолго. Гектор подтверждал ее слова. Но пока ее не было, бомбардировка возобновилась.

Флоранс зажала рот, боясь вскрикнуть.

– Одна из бомб попала в многоквартирный дом, где жила Белинда. Чарли убило прямым попаданием, мгновенно. Наверное, даже испугаться не успел.

Спазм в горле мешал Флоранс сглотнуть.

– Ему было четыре года, – дрожащим голосом произнес Джек. – Всего четыре.

– Я...

– Не надо ничего говорить. В самом начале войны я умолял Белинду взять малыша и переселиться сюда. Здесь было гораздо безопаснее, но она наотрез отказалась.

– Сомневаюсь, что можно было бы заставить Белинду сделать то, чего ей не хотелось.

Джек вздохнул:

– Похоже, что так, но я все равно никогда себе не прощу.

– Себе или ей? – (Он не ответил.) – Я тебе очень сочувствую. Потерять малыша... Должно быть, ты... я даже не представляю, какой ужас ты тогда пережил.

Он кивнул и, не глядя ей в глаза, сказал:

– Этот ужас продолжается и поныне. Иногда накатывает. Но жизнь продолжается. Я даже не знаю, хорошо это или плохо.

Флоранс не решалась заговорить. После такой чудовищной потери... неудивительно, почему Джек так скрытно держался с ней и сестрами.

– Ты из-за Чарли практически ничего не рассказывал нам о себе? – все же спросила она.

– Во Франции мне как раз было легче. И не забывай, я находился там в рамках операций УСО.

Они молча пошли дальше. Флоранс смотрела в землю. Все внутри ее разрывалось от душевной боли и сострадания к Джеку. Ей хотелось помочь ему всем, что в ее силах. Но возможно, сейчас не время.

– Когда Чарли не стало, я часто сюда приезжал, – сказал Джек. – Помогало.

– Я рада.

Он улыбнулся и протянул руку. На мгновение – каким же оно было удивительным! – между ними восстановилось прежнее единение.

– Ржанки улетели, – сказал он, вновь глядя в небо.

Потом он отвел руку.

Глава 15

Джек уехал. Вопреки его уверениям, что Белинда тоже уедет, она не собиралась трогаться с места. И Глэдис, уверенная, что у них где-то на ферме наверняка отыщется карта Мальты или, может быть, Италии, заехала за Флоранс на грузовичке. Глэдис также предложила взглянуть на подросших котят. И хотя Флоранс постоянно твердила, что не знает, как долго пробудет в Мидоубруке, она вняла настойчивым просьбам Джека и согласилась пожить здесь еще какое-то время.

Флоранс уже надевала плащ, когда послышался знакомый стук в дверь: три громких удара, пауза, затем еще три. Так стучал местный почтальон.

– Вам письмо, дорогая, – сказал он, протягивая ей конверт.

Это был плотный белый конверт марки «Бэзилдон бонд». Флоранс, сразу узнав безупречный почерк матери, представила, как та, отвернув крышку приплюснутого флакончика, заправляет авторучку синими паркеровскими чернилами «Куинк». Флоранс поблагодарила почтальона и унесла письмо в дом. Там она с некоторым трепетом вскрыла конверт и вынула исписанный листок. Едва прочитав первые слова, она поняла: мать прислала письмо-извинение. Это было что-то новое. Клодетта не привыкла извиняться.

Дорогая!

Надеюсь, ты простишь свою мать за нарушение правил гостеприимства во время нашей последней встречи, а также простишь мое тогдашнее плохое настроение.

Флоранс хмыкнула. Безудержный материнский гнев никак не подходил под категорию «плохое настроение», и все же такое признание было шагом вперед.

Ты была честна со мной, а мои ответы отнюдь меня не красили. Убедительно прошу меня понять: события далекого прошлого тяжелы для меня. В дальнейшем я попытаюсь исправить эту досадную ошибку. Я надеялась накрепко закрыть дверь в прошлое, но если ты согласишься найти время и снова приехать ко мне, я попытаюсь быть более предупредительной и, возможно, поговорю с тобой и о Розали. Я любила ее не меньше, чем ты любишь своих сестер, и полное неведение о ее судьбе не дает мне покоя. Надеюсь, что ты все же согласишься помочь мне в ее поисках.

Всегда рада тебя видеть.

Маман

Флоранс не знала, что и думать. Она любила Мидоубрук и не хотела уезжать, но дом Джека не был ее домом. Однако и дом матери она не могла назвать своим, а потому не торопилась ехать к Клодетте. Во всяком случае, когда она туда соберется, можно будет рассчитывать на большую сговорчивость со стороны матери. Судьба Розали интриговала Флоранс. Любая семейная тайна всегда действует возбуждающе. Кому не захочется прикоснуться к тайне и узнать больше? Но пока не закончится война, она ничем не может помочь матери в поисках. В следующий приезд она постарается расспросить Клодетту не только о Розали, но и о Фридрихе, немецком возлюбленном матери и своем настоящем отце. Флоранс жаждала побольше узнать о нем и о том, что же тогда произошло между ним и Клодеттой.

Пока они ехали на ферму в стареньком, помятом грузовичке Глэдис, Флоранс продолжала думать о матери и Белинде. Обе были матерями, и обе страдали, хотя и по-разному.

– Что-то ты притихла, дорогая, – искоса взглянув на нее, заметила Глэдис.

– Думала о Белинде. Я ей сочувствую.

– Еще бы. Ужасно потерять ребенка. Мне это знакомо. Все карты, что есть у нас дома, остались от моего мальчика. Ох, как ему хотелось посмотреть мир!

От этих слов Флоранс застыла и не сразу нашлась что сказать.

– Глэдис, простите. Я не знала.

– Эдвардом его звали. Это случилось в самом начале войны. Он у нас поздно родился, а поздние дети всегда самые любимые. Его корабль потопили. «Пропал без вести в море» – так нам сообщили.

– Он был вашим единственным ребенком?

Глэдис кивнула. Флоранс коснулась ее руки. Остаток пути до фермы они ехали молча. Когда Глэдис открыла обшарпанную синюю дверь, Флоранс уже была готова к хаосу в доме фермерши. Кошки сидели и лежали на своих местах, но в этот раз ее внимание привлекли обои. Как она тогда не обратила внимания на их узор? На бежевом фоне теснились желтые и оранжевые морковины, апельсины, яблоки, кувшины и банки. Они повторялись снова и снова, отчего у Флоранс зарябило в глазах. За столом сидел довольно симпатичный молодой человек в гражданской одежде и читал газету, сдвинув очки на лоб.

– А-а, Брюс пожаловал, – сказала Глэдис, явно обрадованная его появлением. – Не знала, что ты заглянешь. Ты сегодня не на дежурстве?

– У меня целых два выходных дня, – с улыбкой сообщил он и встал. – Я заехал сообщить, что сегодня мама не сможет быть на встрече в «Женском институте», а потому заезжать за ней не нужно.

– Это Брюс, сын моей подруги Грейс, – представила парня Глэдис. – Познакомься. А это моя соседка Флоранс.

Он обошел стол и пожал Флоранс руку. Брюс был высоким и худощавым, с курчавыми коротко подстриженными волосами и теплыми светло-кариими глазами. Флоранс понравился его облик и то, как парень по-свойски чувствует себя у Глэдис.

– Что ж, сообщение я передал. Можно и ехать.

– На твоём старом костотрясе?

– Конечно. – Он снова улыбнулся и поцеловал Глэдис в щеку. – До встречи. До свидания, Флоранс.

Как заметила Флоранс, у Глэдис заблестели глаза, и, когда Брюс ушел, она сказала:

– Всего двадцать восемь, а уже ординатор в Королевской больнице Девона и Эксетера. Знаю его почти с рождения.

– Мне понятна ваша гордость, – отозвалась Флоранс. – Очень приятный молодой человек.

– Ты, поди, подумала, как его до сих пор не окрутили.

– Честно говоря, нет. Надеюсь услышать от вас.

Глэдис пристально посмотрела на нее:

– Хотя это и не моя история, расскажу. Жаль, конечно, парня. Был он помолвлен с одной девицей в Эксетере. Пока он пропадал на дежурствах, она завела шашни с каким-то американцем.

– Боже мой!

– Может, и лучше, что не женился на этой вертихвостке, – выдохнула Глэдис и поморщилась.

– Судя по нему, его душевные раны зажили, – пряча улыбку, сказала Флоранс.

– Когда немцы устроили Блиц и бомбы так и сыпались на девонширские города, роженицам в родильном отделении эксетерской больницы выдали средства защиты – эмалированные миски и одеяла.

– Ну и ну! – засмеялась Флоранс. – Сомневаюсь, что с миской или одеялом на голове можно защититься от бомб.

– Трудно сказать. На больницу не упало ни одной бомбы. Спроси Брюса, он тебе расскажет... Так когда ты своего посмотришь? Сейчас или потом? – невинным тоном спросила Глэдис.

– Моего? Вы о ком?

– О рыжем котеночке, которого я для тебя оставила. Я его Бартом назвала. Просто очаровашка.

– Знаю, куда вы клоните, – улыбнулась Флоранс.

– Бери котика, не пожалеешь. Он тебе поможет, – заговорщически подмигнула Глэдис.

– Чем?

– Белинда не переносит кошачью шерсть. У нее моментально распухают глаза и начинает течь из носа.

– Ну и хитрая вы женщина! – расхохоталась Флоранс. – Но вы же знаете, что я не могу взять животное, поскольку не знаю, где буду жить.

Флоранс лежала на кровати в комнате Джека. Подперев голову ладонью, она всматривалась в карту Мальты, которую позаимствовала у Глэдис, и чувствовала себя в подвешенном состоянии. Белинда и не думала уезжать, что лишало будущее Флоранс всякой определенности. Она не знала, как ей поступить. Неопределенность действовала на нервы. Теперь, когда у нее фактически не было дома, представься ей возможность прямо сейчас отправиться на Мальту, она поехала бы не раздумывая. Там она хотя бы занялась полезным делом. И мать обрадовалась бы, а Флоранс любила радовать других. Она уже написала Клодетте, поблагодарила и пообещала приехать снова.

Комната Джека очень нравилась Флоранс. Там было два окна – на передней и задней стенах. Комната вовсе не ощущалась мужской, как она думала. Потолочные балки были окрашены в приятный янтарный цвет. На окнах висели бело-голубые полосатые занавески, а на натертом полу лежала пара персидских ковров. Все это создавало уютную обстановку. В углу стоял шкаф для хранения документов. Часть одной стены занимали полки с папками и книгами. Не утерпев, Флоранс заглянула в его гардероб, но не позволила себе просматривать одежду, равно как и содержимое ящиков письменного стола, стоящего у заднего окна. Свернувшись калачиком, она читала, но ближе к вечеру голод поднял ее с кровати и погнал на кухню. Слава богу, Белинды там не было, однако напряжение все равно сохранялось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.